

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КАРИН ЖИБЕЛЬ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

18+

КАЖДЫЙ ЧАС РАНИТ,
ПОСЛЕДНИЙ УБИВАЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Карин Жибель
**Каждый час ранит,
последний убивает**
Серия «Звезды мирового детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68059655
ISBN 978-5-389-21827-7

Аннотация

Тана с восьми лет обслуживает богатую семью, не имеет права выйти из дома, терпит побои, умудряется оставаться живым человеком в нечеловеческих условиях и мечтает о свободе, не помня, что это такое. Безымянная тяжелораненая девушка заявляется в дом неуравновешенного горюющего отшельника Габриэля, не помня о себе вообще ничего. Отшельник, увы, о себе помнит всё и со своими воспоминаниями расправляется кроваво, потому что они его убивают. Всем троим предстоит освободиться из рабства – буквального и метафорического, – и в итоге каждый отыщет свой непростой путь к свободе.

Книги королевы триллера Карин Жибель переведены на десяток языков и удостоены многочисленных литературных наград, в том числе *Prix Polar* за лучший роман на французском языке. За роман «Каждый час ранит, последний убивает» она получила «Золотое перо французского триллера» и *Prix de*

l'Evêché. Этот роман Жибель написала по мотивам реальных историй женщин, лишившихся свободы и столкнувшихся с крайними формами насилия, – и получился триллер о человеческой жестокости, искуплении и личной свободе, которая стоит очень дорого и порой оплачивается только кровью.

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	7
1	10
2	17
3	27
4	31
5	34
6	36
7	40
8	42
9	43
10	46
11	53
12	54
13	60
14	61
15	72
16	73
17	76
18	82
19	83
20	86
21	92
22	96

23	100
24	104
25	111
26	114
27	120
28	126
29	128
30	131
31	137
32	139
33	144
34	149
35	153
36	160
37	162
38	169
39	171
40	179
41	189
42	194
43	196
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Карин Жибель

Каждый час ранит, последний убивает

Karine Giébel

TOUTES BLESSENT, LA DERNIÈRE TUE

Copyright © 2018, Éditions Belfond

Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского Валентины Чепиги

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© В. П. Чепига, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Тебя зовут Тама.

Ты живешь недалеко от Парижа в большом и красивом доме с четырьмя спальнями. Одна – для родителей, местье и мадам Шарандон, одна – для их двух дочерей и по одной – для каждого сына.

Тремя младшими детьми занимаешься ты. Еще на тебе уборка дома, стирка, глажка, поддержание порядка, стряпня. Если нужно, ты штопаешь одежду.

Утром ты встаешь в пять часов, чтобы приготовить завтрак для всей семьи. Потом начинаешь заниматься хозяйством, пока мадам Шарандон отдыхает или отправляется по магазинам.

Мадам Шарандон родилась в Марокко, как и ты. До замужества ее звали Сефана Хазнажи. Если ты правильно поняла, местье Шарандон работал в агропромышленном секторе на родине своей будущей супруги, там-то он с ней и познакомился. Они поженились и приехали жить во Францию с первой дочерью.

Сефана – красивое имя. Оно означает «жемчужина».

Тама – имя, которое она тебе выбрала, – уменьшительное от Тамазальт, что значит «верная». Сефана уверяла, что оно принесет тебе удачу в работе.

Когда ты задумываешься об этой удаче...

Обычно тебе можно идти спать в десять вечера, когда вся работа закончена. Иногда позже.

Тогда тебе дают тарелку с тем, что не захотели есть дети, и ты отправляешься ужинать к себе. То есть на матрас, тонкий и узкий, брошенный на пол в постирочной, с одеялом и старой подушкой. Ты спишь здесь, среди провизии, к которой тебе не разрешено притрагиваться, рядом со стиральной машиной. Отопления нет, но, к счастью, тут не очень холодно. Шкафом тебе служит картонная коробка, куда ты складываешь личные вещи; месье Шарандон разрешил тебе поставить на коробку маленькую лампу.

Тебе запрещено выходить из дому. Когда Сефана уезжает, то закрывает дверь на ключ.

Ты все равно боишься выходить на улицу. Здесь ты ничего не знаешь. Ничего и никого. За дверью все чужое, страшное, враждебное.

Как-то после полудня, пока Сефана спала, ты осмелилась сделать несколько шагов по саду. Целое приключение! Стояла хорошая погода, почти жаркая, и ты не смогла сдержаться. О, далеко бы ты не ушла, нет. Почувствовать, как солнце ласкает кожу, увидеть небо, послушать пение птиц – вот и все. Снова побывать на воздухе. Ничего особенного.

Но Сефана тебя увидела. Догнала, накричала и заперла в постирочной. Вечером, когда вернулся ее муж, он тебя избил. Так, что ты потеряла сознание. Пять дней тебе не давали еды. Даже обьедков с тарелок детей.

Ты здесь уже год. Уже год не выходишь из этого дома.

Тебя зовут Тама. Твое настоящее имя тебе произносить запрещено. Но каждый вечер, прежде чем заснуть, ты несколько раз шепчешь это имя. Чтобы не забыть.

Тебя зовут Тама.

Тебе девять лет.

*Всеобщая декларация прав человека 1948 года,
статья 4:*

*Никто не должен содержаться в рабстве или в
подневольном состоянии; рабство и работорговля
запрещаются во всех их видах.*

1

Было еще темно. По-прежнему холодно. Зимы здесь суровые. Безжалостные к людям и животным, леденящие скалы и души, замораживающие любую надежду.

Габриэль с чашкой обжигающего кофе в руках вышел на террасу. Гипотетический горизонт несмело вырисовывался в первых лучах восходящего солнца.

Дом стоял посреди продуваемой всеми ветрами пустыни. Ближайшие соседи жили в нескольких километрах. Но Габриэль сам выбрал это место для жизни, место, куда никто не хотел приезжать. Откуда все бежали. Суровый климат, одиночество, тишина или тревожные завывания агея¹ – все это его устраивало.

Казалось, эти места создали специально для него, для таких людей, как он. Для тех, кто хочет что-то забыть или чтобы забыли о них. Для тех, кто хочет облегчить душу, страдать в одиночестве.

Тихо умереть.

Габриэль медленно пил свой кофе. Ночь уже превратилась в смутное воспоминание, даже несмотря на то, что перед его

¹ *Агей* (или *эгюоля*) – холодный восточный ветер в южной части Севенн, платообразного хребта, входящего в состав Центрального горного массива Франции. – *Здесь и далее примеч. перев. Переводчик выражает благодарность Набилу эль-Идрисси и Татьяне Ворожцовой.*

глазами по-прежнему стояло несколько леденящих эпизодов из его кошмаров подобно все никак не расходящимся после бури облакам.

Он вернулся в дом, где было удивительно тепло, поставил чашку в мойку на кухне и взял ключи от машины. Надел шапку и кожаные перчатки и вышел из дому.

Лужи на дорогах замерзли, терпеливо поджидая очередную жертву. Машину, которая свалится в овраг, человека, которого можно убить. Помня об опасности, Габриэль двигался на небольшой скорости.

Когда он приехал во Флорак, уже рассвело. Но было по-прежнему почти так же холодно. Январь только-только начался, зима будет долгой и безжалостной.

Он сделал несколько покупок на неделю, зашел в табачную лавку и аптеку, а потом снова сел за руль. Дорога из Флорака петляла по бурым, забытым солнцем ущельям. Затем шла вниз в направлении Нима, но Габриэль свернул, чтобы проехать по старому мосту, который каким-то чудом не развалился из-за сильных разливов бежавшей под ним реки. Он миновал два старых заброшенных дома и далее продолжил путь по намного более узкой дороге, которая поднималась к перевалу, что находился в двадцати километрах отсюда.

Наконец появилось солнце. Оно осветило редкую подмерзшую траву, голые помертвелые каштаны, что топорщи-

ли ветви, как будто о чем-то предупреждали.

Направо пойдешь... Внедорожник терпеливо глотал выражи. Габриэль закурил и включил радио. Он вполуха рассеянно слушал новости.

Говорили о цифрах. Сколько бедных, сколько безработных. Ни то ни другое Габриэля никогда не касалось.

Говорили о страхе. О страхе людей, о страхе завтрашнего дня или о страхе, что чего-то будет не хватать. Габриэль не испытывал чувства страха. Он плевать хотел на завтрашний день, а все, чего ему могло не хватать, он уже купил.

Он уже давно ничего особо не чувствовал.

Проехав с четверть часа и не встретив ни одной живой души, Габриэль оказался на месте. Крошечная деревушка состояла из четырех домов неопределенного года постройки; он был их единственным владельцем. Жилым оставалось только одно здание. Габриэль сделал в нем ремонт, предоставив трем другим разрушаться от времени. Он припарковался у каменной лестницы и отнес покупки в дом.

Софокл, старый немецкий дог, лежал у камина. Пес приподнял голову, когда вошел его хозяин, едва заметно вильнул хвостом и снова глубоко уснул.

Габриэль, как всегда по утрам, просмотрел почту и выпил вторую чашку кофе. Немного рекламы, немного спама, ничего важного. Ему никто никогда не писал или почти никогда.

Он снова надел куртку, вышел на улицу и закурил еще

одну сигарету. Небо было ярко-синим, солнце не грело, но ветер стал тише. Габриэль открыл ворота конюшни, которая находилась сразу напротив дома.

– Привет, девчонки! – бросил он, входя в конюшню.

Две кобылы ганноверской породы, серая Гайя и каштановая Майя. Лошади казались встревоженными. Габриэль поздравил их, и они подошли. Он погладил их по мордам, похлопал по бокам, шепнул пару успокаивающих слов.

И в этот момент он увидел ее. Женщину, лежавшую на соломе, в глубине конюшни. У Габриэля перехватило дыхание. Он немного помедлил и приблизился к неподвижному телу:

– Что вы тут делаете?

Никакой реакции. Может быть, она была мертва.

Мужчина остановился в нескольких шагах от незнакомки. Та лежала на боку, к нему спиной. Габриэль осторожно потрогал тело носком ботинка. По-прежнему никаких признаков жизни. Он присел на корточки, положил руку женщине на плечо. Неожиданно та повернулась, выставив перед собой оружие. В темных контурах Габриэль узнал автоматический пистолет.

– Назад!

Он выпрямился и застыл на месте, пока незнакомка вставала на ноги. Габриэль заметил, что женщине тяжело, и смог разглядеть темное пятно у нее на футболке, под курткой.

– Идем... к вам, – прошептала она.

На лице у нее не отражалось и следа страха. Взгляд был

пустым.

Мужчина вышел из конюшни, за ним по пятам следовала незнакомка. Не торопясь, Габриэль поднялся по нескольким ступенькам, открыл дверь. Когда они очутились внутри, он повернулся и оказался с ней лицом к лицу. Прямо под дулом направленного на него оружия. Крупнокалиберной «беретты».

Софокл зарычал и направился к незваной гостье. Габриэль жестом его остановил.

– И что теперь? – спросил он.

Сейчас, при свете, он мог рассмотреть ее лицо. Рана и гематома на лбу, как будто она ударилась головой об стену. Очень молодая, вероятно, лет двадцати. Скорее симпатичная. Чистая смуглая кожа, темные, слегка выющиеся волосы, спутанные, в соломе. По всей видимости, она спала в конюшне. Пользоваться огнестрельным оружием она не умела. Неловко держала пистолет. Что совершенно не умаляло опасности, скорее наоборот. К тому же пистолет был снят с предохранителя.

– Мне нужны продукты... В сумке!

Габриэль подошел к кухонному столу и нашел в ящике полиэтиленовый пакет. Положил в него две пачки печенья, фрукты и поставил на барную стойку, разделяющую кухню и гостиную. Свободной рукой незнакомка зажимала рану. Нехорошую рану, прямо под ребрами. Когда она отняла руку, та была вся в крови.

– Деньги! – бросила она. – Все, что есть.

Он вынул из внутреннего кармана куртки бумажник и вытащил две купюры по пятьдесят евро.

– И ваш телефон! И... ключи от... вашей... машины...

Габриэль отдал, ожидая новых инструкций. Говорить девушке становилось все труднее.

– На ко... лени! – приказала она.

Он беспрекословно покорился. Трясущейся рукой девушка схватила пакет, бросила туда деньги, телефон и ключи, не сводя глаз с Габриэля. Потом попятилась, держа его на мушке. Когда она уже открывала дверь, ноги у нее подкосились. Она сразу осела на пол, уронив пистолет и застонав от боли. Протянула за пистолетом руку, но тот уже поменял владельца. Габриэль целился ей в голову. Теперь приказывать будет он.

– Поднимайся!

Она встала на колени, а затем с нечеловеческим усилием выпрямилась:

– Отпустите меня!

– С моей машиной, телефоном и деньгами? – ответил он, оскалившись. – Может, тебе еще что-нибудь нужно?

Девушка ногой подтолкнула к нему полиэтиленовый пакет и умоляюще вытянула руки:

– Просто отпустите меня... Просто отпустите...

Едва она произнесла эти слова, как силы снова ее оставили. Девушка глухо стукнулась головой о пол. На этот раз

она уже не шевелилась. Габриэль засунул пистолет за пояс и осторожно приблизился к ней. Нет, она не притворялась, она и правда потеряла сознание.

Он достал сигарету и спокойно закурил, наблюдая, как незнакомка умирает у его ног.

2

Я немного помню маму. Теперь ее лицо размыто, но я знаю, что она сияла, как солнце. Ее длинные темные волосы блестели, как шелк, а руки были мягкими, как и ее улыбка. Рядом с ней мне казалось, что все будет хорошо. Что ничто нас не может разлучить.

Я помню в основном ощущения – ласку, запах духов, нежные слова. И некоторые образы. Как мы смеялись, как танцевали, как обнимались. Я держала ее за руку, и мы бежали босиком по горячему песку. Я садилась к ней на колени, сворачивалась калачиком и засыпала.

Мама умерла, когда мне было пять с половиной. После похорон отец отвез меня к маминой сестре, тете Афак. Женщине с тяжелым взглядом и грубыми руками, которая почти никогда ничего не говорила. Она сказала мне, что я для нее лишний рот, что мне нужно стать для нее полезной. Следует уточнить, что у Афак было три сына и не было мужа. Так что я делала, что могла.

Я ждала, пока останусь одна, чтобы оплакивать маму. Чтобы вспоминать о ее уверенных руках, успокаивающем запахе, о песнях, которые она мне пела. Она снилась мне каждую ночь, как будто она умерла не по-настоящему. Как будто ее не отняла у меня лихорадка.

Когда мне исполнилось шесть лет, Афак отправила меня в школу. Я посещала ее три раза в неделю, что уже было большой удачей. Школа находилась далеко, до нее приходилось идти пешком целый час. Но я была счастлива, что хожу туда, что учусь стольким вещам. Что встречаю там девочек моего возраста.

После школы я переодевалась и шла в деревню за водой. Потом помогала тете готовить ужин. В дни, когда я не училась, я стирала, ухаживала за козочками и маленьким огородом, где тетя Афак выращивала овощи, которые затем продавала на рынке. Мы вполне сводили концы с концами, и в общем нам было не так уж и плохо.

Я прожила у тети два с половиной года, за это время отец женился на другой женщине и она родила ему двоих сыновей. Он редко заходил к нам в гости и каждый раз уезжал без меня. Я надеялась, что однажды он произнесет магические слова: «Собирайся, мы возвращаемся домой».

Когда мне исполнилось семь, в деревне появился один человек. Он ходил по домам и постучал и в нашу дверь. Он сказал тете, что знает в городе богатых людей, которые хотят нанять девчушку, чтобы та занималась домом и детьми. За это он пообещал тете Афак денег, а мне – велосипед, чтобы ездить в школу. Он уверял, что в городе мне будет хорошо, что я там заведу подружек и буду даже получать небольшую зарплату. Я не произнесла ни слова, потому что тетя мне это

запретила, и она же ответила вместо меня. Она сказала этому месье, который был прекрасно одет, что я ей нужна и что его предложение ее не интересует. Когда он ушел, тетя Афак объяснила, что он все наврал и она отказала ему, желая меня защитить.

В детстве тетя была служанкой, но вспоминать об этом не любила. Несмотря на ее предостережения, мне стало немного грустно. Я подумала, что жить в городе и ездить на собственном велосипеде, наверное, чудесно.

День рождения, когда мне исполнилось восемь, выпал на воскресенье; рано утром пришел отец в сопровождении какой-то дамы. И я на мгновение подумала, что он ушел от своей новой жены Навель и предпочел ей другую.

Я ошибалась.

Эту женщину звали Межда, она была родом из той же деревни, что и мама, и когда-то была с ней немного знакома. Сейчас она жила во Франции, а в Марокко приехала на время отпуска.

Межда выглядела элегантной, улыбчивой и очень милой. Она принесла подарки для тети – еды, которой бы хватило кормить детей в течение месяца, – и даже подарила мне на день рождения чудесную куклу с фарфоровым личиком и в изящном платье. Кажется, я никогда еще не видела ничего более красивого, кроме, конечно, маминого лица. У куклы были большие карие глаза, рыжие косички и губы нежного

бледно-розового цвета. На ней была широкополая шляпка и платье, как на принцессах из сказок.

Я скакала от восхищения. Взяла куклу, прижала к себе и подумала, что она останется со мной навсегда.

Мы пообедали, и мне позволили держать куклу на коленях, пока мы ели. Незабываемый момент, один из самых прекрасных в моей жизни.

После обеда я узнала от отца, что Межда предложила ему взять меня на попечение и забрать с собой во Францию, где меня ожидает лучшее будущее и представится больше возможностей. Он согласился. Моего мнения он, конечно, не спрашивал. В любом случае я бы и не поняла, если бы он это сделал.

В тот же вечер я попрощалась с тетей Афак и двоюродными братьями и уехала с отцом и Междой в машине, которую женщина взяла напрокат. В большой машине, которой были нипочем ухабистые дороги и которая стоила, наверное, столько денег, что отец никогда бы себе такую не купил. Я села на заднее сиденье и всю поездку думала о тете Афак, той было грустно, что я уезжаю от нее.

Мне же не было ни грустно, ни весело. Просто тревожно.

Я думала, что мы заедем в наш старый дом, но мы поехали прямо в аэропорт. Там я увидела, как Межда дает отцу денег. Кажется, восемьсот дирхемов². Небольшое состояние.

Он взял меня за плечи, чтобы сказать несколько слов:

² *Восемьсот дирхемов* – приблизительно 80 евро.

– Я не могу больше держать тебя у тети Афак, но у меня недостаточно денег, чтобы кормить своих сыновей и жену. Как же мне еще и тебя прокормить? Там, во Франции, ты пойдешь в школу, обучишься какому-нибудь ремеслу. Для тебя это – настоящая удача.

Затем он наказал мне хорошо себя вести, не позорить семью, а потом обнял. И сел в автобус, а я смотрела, как тот увез его прочь.

Межда взяла меня за руку, и мы зашли в здание аэропорта. Она была со мной очень добра, уверила в том, что я скоро смогу приехать проведать тетю и отца. Что открою для себя то, о чем мечтают все маленькие марокканцы. Что во Франции мне понравится.

Чувствовала я себя странно: мне было и радостно, и страшно.

Межда вручила мне паспорт, выписанный не на мое имя, объяснив, что у нее не было времени сделать мне мой собственный документ. Она попросила меня выучить наизусть фамилию, написанную на паспорте, я ее сейчас не помню. Если полицейские будут о чем-то спрашивать, я должна ответить, что я племянница Межды и что мы едем на каникулы во Францию. В общем, это было похоже на игру. Довольно волнительную игру.

Когда мы посреди ночи сели в самолет, я испытывала настоящий восторг! Я ведь никогда не ездила дальше своей деревни или деревни тети Афак... Во время полета Межда спа-

ла, а когда проснулась, то стала намного менее доброй.

* * *

В Париже мы сели в такси. Тогда Межда сказала, что мы едем к ее двоюродной сестре и ее мужу, Тьерри и Сефане Шарандон. Отныне я буду жить у них. У этих незнакомых мне людей. И я поняла, что за их доброту мне придется отплатить им своим трудом.

Мы проехали по Парижу, шел дождь. Я еще никогда не видела такого большого, красивого и богатого города. Еще никогда не видела столько машин разом. Мне казалось, что я на другой планете или в другом веке. Мне хотелось остановить машину, оглядеться вокруг, узнать что-то новое. Я задавала вопросы Межде, но та не отвечала. Она больше не улыбалась, разговаривала сухо, и я подумала, что, наверное, наше путешествие утомило ее.

Когда мы прибыли к моим новым «родителям», я вела себя очень застенчиво. Сефана, двоюродная сестра Межды, показала мне дом, уточнив, что мне запрещено его покидать. Что если меня увидят соседи, то вызовут полицейских, которые бросят меня в тюрьму, потому что у меня нет права находиться во Франции. Если кто-нибудь что-нибудь спросит, я должна солгать и сказать, что я племянница Сефаны.

В общем, для всех я была племянницей. И больше никем. Межда очень быстро уехала, забрав с собой куклу, кото-

рую подарила, когда мы обедали у тети Афак. Тогда у меня появилось нехорошее предчувствие. Я поняла, что в этом месте мне жить не понравится.

Мне было холодно, страшно, я обижалась на папу за то, что он меня бросил. Что продал ради того, чтобы прокормить своих сыновей.

Я молча слушала Сефану, которая говорила, что я должна работать, чтобы вернуть деньги, которые она одолжила моему отцу. Что теперь за домом и за детьми буду смотреть я. Что я буду заниматься всем. Она объяснила мне, что у нее две дочери и сын, и я видела, что она беременна. Она уточнила, что я не имею права разговаривать без разрешения. Что я должна молчать и не подслушивать под дверьми. Что если я что-нибудь испорчу, то заплачу. Ничего этого я не знала.

Но позже поняла.

Потом Сефана спросила, как меня зовут. Она немного подумала и заявила, что теперь меня будут звать Тама.

Сегодня исполнился год и одна неделя, как я здесь. На кухне висит календарь.

Я смотрю на него каждый день.

Каждый день считаю дни.

Каждый день надеюсь, что именно сегодняшний станет последним. Что я наконец буду свободной. Что отец наконец придет за мной.

Утром я пропылесосила весь дом. Потом перегладила бе-

лье.

Сегодня пятница, а по пятницам я глажу в течение четырех часов. Сефана говорит, что я медлительная, ленивая, что мне повезло, что она терпит меня и держит у себя в доме.

«Повезло», как подумаю...

Я ничего ей не отвечаю. Так лучше, если не хочешь проблем. Она высокая, красивая, от нее всегда вкусно пахнет. Надо сказать, что в ванной она проводит не один час. Там, куда мне разрешено заходить, только чтобы убраться.

Я моюсь в кухне, утром, когда все спят. У меня есть собственное полотенце, которое я должна стирать отдельно от остального белья, собственное мыло, которое никто не трогает, и шампунь, от которого у меня путаются волосы. У меня есть одна пара сменного белья, только одна. Сефана хочет, чтобы я всегда была чистой. Она часто проверяет, чистые ли у меня руки, перед тем как я начинаю готовить еду, и если они не в идеальном состоянии, то она трет их щеткой, от которой у меня появляются ссадины.

Думаю, она меня не любит. Боюсь, что она никогда меня не полюбит.

Но я не теряю надежды.

Я стараюсь ей понравиться.

Я приношу ей горячий чай в спальню или в гостиную. Я готовлю для нее ее любимые пирожные, я душу духами ее подушки и белье. В ее шкафах много чудесной одежды. Ве-

щей, которые, наверное, очень дорого стоят.

Намного дороже, чем стоила я, скажет она однажды.

Во второй половине дня, когда я убирала комнату девочек, я нашла в корзине для мусора старую куклу. У нее не было руки и волос, платье все в пятнах. Но у нее милая улыбка и огромные голубые глаза.

Я вытащила ее и спрятала у себя в картонной коробке. Вечером я смогу посмотреть на нее, может быть, поговорить с ней. Знаю, что она ничего не ответит, но все лучше, чем вести беседу с самой собой.

Наверное, это старая кукла Фадила. Старшей из девочек, ей тринадцать лет. Она никогда со мной не разговаривает, только может что-то приказать. Несмотря на ее возраст, каждое утро я должна помогать ей одеваться. Должна расчесывать ей волосы и зашнуровывать обувь, чтобы она не наклонялась. Мне она кажется высокомерной. Надменной, как сказала бы тетя Афак.

Фадила означает «добродетель». Имя это ей совсем не подходит!

У нее у единственной наше имя. У остальных трех детей имена странные. Есть Адина, вторая дочь, которой исполнилось девять. И потом два мальчика, Эмильен, ему пять, и Вадим, тому шесть месяцев. Его комната – прямо за стенкой помещения для стирки. Сефана купила мне радионяню, чтобы я могла проснуться, как только малышу что-нибудь

потребуется. Ночью, если он плачет, всегда встаю именно я. Я научилась менять памперсы, кормить из бутылочки, готовить еду. Выбора у меня, в общем-то, и не было, но заниматься этим для меня не в тягость. Малыш все время улыбается, иногда смеется. Лучшие моменты, которые выпадают в течение дня, я провожу именно с ним. Вероятно, потому, что я ему по душе.

Потому что он еще не понял, что я – никто и ничто.

Габриэль сел за руль своего внедорожника и выехал на ближайшую дорогу. Он решил направиться в сторону перевала. Быть может, незнакомка прибыла сюда на машине; если это так, нужно поскорее избавиться от ее автомобиля. Внедорожник преодолел перевал и покатился вниз. Через три минуты Габриэль его увидел. Сразу за поворотом – заглохшая за деревом «ауди». Спортивная модель с помятым бампером. Незнакомка, вероятно, забыла пристегнуться, отсюда и глубокие ссадины у нее на лбу.

Габриэль довез машину на тропе до дома и затолкал в самую глубину старого гаража. Он все внимательно осмотрел и нашел в салоне флешку, которую положил в карман, пустую пачку «Кэмела» и три зажигалки. Ничего особенного. Он запомнил номера машины и закрыл ворота гаража.

Теперь в округе не осталось ни одного следа девушки.

* * *

Габриэль закурил. Начинаясь вечер, ночь обещала быть ледяной. Голодные хищники скоро выйдут из своих нор. Охотиться, отслеживать добычу. Находить и разрывать зубами. Иногда еще живую. Таковы правила игры.

Побеждает сильнейший.

Габриэль затушил окурок в старой пепельнице и пошел обратно в дом. Просмотрел флешку на компьютере. Одна музыка. Дурная музыка.

Он отправил мейл, надеясь, что его знакомая по номеру сможет определить владельца машины.

Потом он осмотрел карманы куртки девушки. Мужской куртки, слишком большой для нее. Карманы были пусты. Ни зацепки, никакого начала истории. Ему хотелось бы узнать, как ее зовут, чем она живет. Что-нибудь, что позволило бы ему сказать несколько прощальных слов, когда он будет ее хоронить. Он отправился в комнату, включил свет, осторожно приблизился к кровати.

Лицо незнакомки покрылось потом, под закрытыми веками двигались глазные яблоки. Габриэль положил руку ей на лоб, тот горел. Состояние девушки ухудшалось, рана была тяжелой. Ей бы к хирургу, в операционную. То, чего он не мог ей предложить.

Лучше бы она появилась в каком-нибудь другом доме.

Габриэль придвинул к кровати кресло, сел. Он долго наблюдал, как девушка борется за свою жизнь.

Но скоро она умрет.

Нужно, чтобы она умерла.

Если она выживет, Габриэль сделает то, что следует. Когда и как, этого он еще не решил. Но время у него было. Время, которое уже ничего не значило. Которое служило только

для того, чтобы убедиться, что боль и воспоминания длятся вечно.

А ведь они могут и исчезнуть.

Незнакомка была красива. Ее смуглая кожа сияла, когда девушку сотрясала лихорадка. Габриэль отбросил простыню. Незнакомка вздрогнула, со всех сторон ее обступил холод. На борьбу с ним она потратила последние силы и, вероятно, скоро отправится в мир иной.

У нее были длинные стройные ноги, изящные щиколотки. На внутренней стороне бедра – многочисленные синяки. Габриэль не сомневался в том, что стало им причиной. Дело рук мужчины.

На ее теле виднелись следы и других пыток, более ранних. Шрамы по всему телу. Следы побоев, ожогов, плохо зажившие раны.

Ее кожа рассказывала об ужасах, которые проступали на ней рельефом.

Он на несколько минут ушел, затем вернулся с маленьким полотенцем и тазиком с холодной водой. Осторожно умыл девушку ледяной водой. Незнакомка стала стучать зубами, дрожать, как осиновый лист.

Габриэль снял с нее футболку, провел мокрым полотенцем по всему телу.

– Нет... – прошептала она, – нет...

Он снова закрыл простышкой и одеялом ее замерзшее тело. Страдающее и уязвимое.

Агонизирующее.

Габриэль видел не одну агонию. И никогда не отворачивался.

Никогда.

Он пристегнул ее наручниками за запястье к перекладине кровати и вышел из комнаты.

Полночь. Сефана и Тьерри наконец легли спать. Но Тама не спит, несмотря на то что проработала пятнадцать часов. Она думает о своей родине, о своем отце, Азхаре.

Отец выкинул ее из своей жизни, как выбрасывают мусор на помойку. Более того, он заработал на ней денег – за всю работу, что она тут делает уже год. И сколько еще это продлится?

Две ночи назад ей приснился ужасный кошмар, в котором Азхар разрезал ее на куски, чтобы скормить своим сыновьям. Тама сердится на себя за то, что так плохо думает об отце, но ничего не может с этим поделать.

Она устала, так устала. Но уснуть не получается. Ночью в голову лезут тысячи мыслей, налетают со всех сторон, как туча ос, и ей не удается отмахнуться от них, прогнать прочь.

Она думает, что раз она оказалась здесь, значит она сделала что-то плохое, допустила ужасный промах. Что была недостаточно хорошей, или недостаточно красивой, или недостаточно сильной. А может быть, все вместе. Что Азхар не гордился ею. Она повторяет себе, что, так или иначе, она заслужила это наказание.

Тетя Афак часто ей повторяла, что в жизни каждый имеет только то, что заслуживает.

Тама поднимается, приоткрывает дверь и, задержав дыха-

ние, прислушивается. Ни света, ни звука. Тогда она тихо закрывает дверь, садится на кровать и зажигает свою маленькую лампу. Потом вынимает из коробки Батуль и сажает ее на край матраса. Батуль – это имя, которое она дала своей кукле. Потому что в школе так звали ее лучшую подругу.

– Тебя тоже выбросили на помойку, – шепчет она. – Но я тебя спасла...

Батуль смотрит на нее полным мудрости взглядом. Тама пытается расчесать ей волосы, чтобы та стала посимпатичнее. Несмотря на то что волос у нее осталось не так уж и много.

– Знаешь, однажды отец приедет за мной. Когда я буду достаточно наказана. Но не волнуйся, я тебя здесь не брошу. Ты поедешь со мной! Увидишь, моя страна – красивая. Там солнца больше, чем здесь...

Она берет куклу на руки и гасит свет.

Кошмары не так страшны, если разделить их на двоих.

* * *

– Подойди, – приказывает Сефана.

Я кладу тряпку, которой протираю пыль, и приближаюсь к ней. Она силой усаживает меня и берет ножницы. Я все поняла, поэтому закрываю глаза и сжимаю кулаки. Коса у меня спускается до талии. Сефана отрезает ее под корень.

Мне хочется плакать, но я сдерживаюсь.

– Вот, так-то лучше! – удовлетворенно восклицает Сефана. – Можешь идти дальше работать. И подмети тут!

Я беру швабру из постирочной и собираю с пола собственные волосы. Адина наблюдает за мной и презрительно улыбается. Мы практически одного возраста, но она выше меня. Вероятно, потому, что ест столько, сколько хочет.

Утром я слышала, как эта язвочка сказала матери, что я симпатичнее, чем она. Что у меня более красивые волосы, что они более блестящие и длинные, чем у нее. Она даже поплакала и потопала ножкой.

Впервые в жизни я испытала новое странное чувство. Сильнее ярости. Желание изуродовать Адину ножницами. Порезать ей щеки, а может, и глаза выколоть...

Позже я узнаю, что это чувство называется ненавистью.

Темнота медленно уступала место еще несмелому свету. Все более яркому. Сегодня небо тоже будет безоблачным. А воздух холодным.

Габриэль открыл глаза. Первый взгляд – на незнакомку. Она все еще дышала, ночь не забрала ее с собой.

Он поднялся с кресла, потянулся, вышел из комнаты. В столовой при виде обожаемого хозяина завилял хвостом Софокл. Габриэль погладил его несколько раз и выпустил на улицу. Пошевелил угли в камине и сделал чаю.

Выпил две чашки, наблюдая, как над Севеннами всходит солнце. Ему никогда не надоест этот особенный момент. Этот пейзаж, чья красота очаровывала его каждый день. Здесь можно было позабыть об уродстве мира, о трусости людей. Или их жестокости. Забыть о гнусности, об убогости, о том, чего уже не вернуть.

Здесь Габриэль мог забыть о том, кем он являлся. На мгновение, на несколько секунд, но и на это он когда-то не надеялся. Совсем не надеялся...

Софокл медленно поднялся по ступенькам и улегся рядом с Габриэлем. Его хозяин посмотрел на него и улыбнулся. В глазах этого пса было столько любви. Столько мудрости. Столько понимания и прощения.

Софоклу только что исполнилось одиннадцать лет. Ему

повезло – он застал Лану.

Габриэль не хотел думать о дне, когда Софокла не станет. О дне, когда это ничем не обоснованное восхищение и эта безграничная любовь уйдут в небытие.

Но ведь смерть была частью жизни. Особенно жизни Габриэля. Смерть была его тенью, его двойником. Она ходила за ним по пятам, сопровождала каждое его движение.

Смерть была его роком.

Его проклятьем.

– А я скоро пойду в школу?

Тама наконец осмеливается задать этот вопрос, который вот уже несколько недель постоянно крутится у нее в голове. Сефана ошарашенно смотрит на нее, как будто ей только что сообщили, что пришельцы захватили Париж. Потом снова сосредотачивается на своем маникюре, не считая даже нужным отвечать.

– Так скоро? – повторяет Тама.

– Ты слишком тупая! – вздыхает Сефана. – Ты им в школе не нужна. Иди лучше работай.

Тама возвращается в кухню. Вечером Шарандоны ждут гостей. Важных гостей. Так что нужно готовить на десятых.

До их прихода Сефана закрывает Таму в постирочной, чтобы девочку никто не увидел. Она сама будет подавать блюда на стол и гордо расхаживать между гостями, бахвалясь, что приготовила все сама. Ей наговорят комплиментов, скажут, какая она великолепная хозяйка.

Тама берет средство для мытья посуды и поднимает крышку кокотницы. Она поливает фрикасе ягненка чистящим средством, тщательно перемешивает и сразу же возвращает крышку на место. Затем она готовит закуску – великолепный салат, в который добавляет секретный ингредиент.

Целую баночку перца.

* * *

Из постирочной я слышу, как гости расходятся.

Из своей каморки я слышу все или почти все. Все, что происходит в кухне и в столовой. Так что я знаю, что месье Шарандону пришлось заказывать пиццу, после того как они попробовали мой салат и мое фрикасе!

Да, кстати, мне жаль, что ягненок умер просто так. Что он закончит жизнь в мусорном ведре. Но что такое желудки Шарандонов, если не мусорные ведра?

Это бедное животное в общем похоже на меня. Я тоже родилась просто так. Чтобы закончить жизнь в мусорном ведре.

Зажигается свет, и дверь моей клетки открывается. Я думала, это Сефана, но на пороге стоит ее муж.

– Иди сюда!

Я знаю, что меня накажут. Наверное, заставят спать в гараже. Ничего, переживу.

Он хватается меня за руку и тащит в кухню. Сефана смотрит на происходящее, у нее на лице застыла ярость.

– Ты что натворила? – кидает мне Шарандон. – Сегодня у нас были мой директор и коллеги с работы! Что они обо мне подумают?

Что ты полный дурак, Тьерри Шарандон! – первое, что

приходит мне в голову. Но я проглатываю слова и стираю с губ улыбку.

– Эта дрянь специально так сделала, – говорит Сефана. – Чтобы нас на посмешище перед друзьями выставить!

Шарандон с силой встряхивает меня, как будто собирается оторвать руку.

– Я отобью у тебя желание смеяться надо мной! – орет он.

Мне страшно, но я ни о чем не жалею. Он хватает меня за волосы и тащит к плите. Зажигает самую большую конфорку, ждет, пока та нагреется. Потом берет мою правую ладонь и прижимает ее к конфорке.

Ужасная, чудовищная боль. Ее не описать словами.

К горлу подкатывает тошнота, крутит живот, дыхание прерывается. Я пытаюсь высвободиться, ору от боли. Но вырваться из рук мучителя невозможно. Я кручусь во все стороны, задыхаюсь от собственного крика.

Наконец Шарандон отпускает меня и толкает к столу. Усаживает на стул, не дает встать, удерживая за плечи. Мои страдания невыносимы, кожа на ладони полопалась.

– Мне кажется, она голодна! – говорит он жене.

Пока Шарандон удерживает меня на месте, Сефана заставляет меня проглотить десяток столовых ложек фрикасе. Я задыхаюсь. Плачу. Умираю.

Чтобы меня не стошнило, Шарандон закрывает мне рот своей грязной рукой.

– Все ясно, сучка? – изрыгает он. – Еще раз сделаешь, в

огонь мордой ткну!

Он него несет вином, глаза налились кровью.

– Проси прощения! – добивает меня Сефана. – Сейчас же!

Шарандон убирает руку, я дрожу всем телом.

– Давай, проси прощения! – повторяет Сефана.

– Простите! Простите! Простите...

Мама садилась рядом со мной, брала меня за руку и просила закрыть глаза. И ее обволакивающий голос нежно баюкал меня, унося в страну сновидений.

Ох, дожди, дожди, дожди,
Деточки крестьянские,
Ох, папаша Бузекри,
Хлеба испеки... И пораньше испеки
Моих деток накорми.

Тогда меня еще не звали Тамой.
Я ничего не знала о жизни.

Я рисую папу,
Я рисую маму
Разными мелками,
Разными мелками.

Я рисую знамя
Высоко на скалах,
Я художник, ах-ах,
Я художник, ах.

Тогда я засыпала с улыбкой.

Наверное, потому, что ничего не знала о жизни.

Вторая ночь около нее.

Около этой девушки, которая боролась за собственную жизнь. Иногда она на несколько секунд открывала глаза, и ее полный ужаса взгляд встречался с его взглядом. Потом ее веки опускались, и она снова погружалась в забытие.

Иногда вскрикивала. Иногда стонала. Иногда произносила несколько слов, которые было не разобрать.

Она бредила.

Габриэль мог часами оставаться в комнате и наблюдать за ней, но ничего не делал для того, чтобы ей помочь. Потому что не забывал, что эта девушка должна умереть.

Он, кстати, уже начал рыть ей могилу – чуть выше по склону, в лесу. Идеальное место на ближайшие века.

Он мог бы приблизить ее конец, задушить ее подушкой или сдавить тонкую шею.

Она была легкой добычей.

Но желания укоротить их встречу у него не было. И пока девушка сражалась со смертью, Габриэль пытался представить ад, через который она прошла, чтобы очутиться здесь. Он ничего о ней не знал. И в конце концов, это было, вероятно, и к лучшему.

Тама уже месяц оборачивает вокруг правой руки чистое полотенце и закрепляет английской булавкой. Ожог никак не заживает. Надо сказать, что ей не дают никаких лекарств. Никаких мазей.

Никакого облегчения.

Только немного холодной воды и старое полотенце.

Каждый вечер она снимает эту неприятзательную повязку и осматривает обожженную до кости ладонь. Боль уже не такая сильная, как в начале, но она еще не прошла. Постоянная ноющая боль.

С того дня Тама держится подальше от греха. Она уже не осмеливается задавать какие-либо вопросы или снова испортить ужин. Девочке не хочется, чтобы ей изувечили и вторую руку.

Когда она подает ужин, Шарандон смотрит на нее с улыбочкой. И Тама опускает голову.

Она поняла, что этот мужчина и его жена имеют над ней полную власть. Власть над жизнью и смертью. Тама поняла, что принадлежит им. Что они могут ее убить и бросить тело в какую-нибудь реку. Что будет дальше?

Тама вспоминает, как однажды возвращалась из деревни и шла по обочине дороги с тетей Афак. И увидела на асфальте раздавленную машиной зверушку. Тама помнит, что спро-

сила у тети, останется ли зверушка так и лежать и разлагаться под солнцем, или кто-нибудь ее похоронит.

Тама чувствует себя, как то несчастное животное. Если Шарандоны ее убьют, тело ее будет медленно разлагаться в какой-нибудь канаве и никто не удосужится предать его земле.

Да и кому она будет нужна? Отцу, конечно. Тете Афак, скорее всего.

Тама цепляется за эту мысль, как за ветку дерева, тонкую ветку, но которая все же удержит ее от падения в пропасть.

* * *

Примерно раз в месяц, в какой-нибудь будничный вечер, папа идет звонить Шарандонам из телефона-автомата. Сефана рассказывает ему, что я подрастаю, что со здоровьем все благополучно. Говорит, что в школе у меня дела не очень, что я не слишком способная, но что все будет хорошо. Потом она включает громкую связь и передает трубку мне. Конечно, она внимательно слушает все, что я рассказываю отцу. И лучше мне не жаловаться.

Как-то я осмелилась спросить, когда он за мной приедет, потому что мне так хотелось вернуться на родину. Я ему призналась, что во Франции мне не слишком нравится. Тогда отец пришел в настоящую ярость. Он сказал, что мне выпала невероятная удача, что я просто неблагодарная девчонка,

и напомнил, что в деревне все живут в полной нищете. Сказал, что Сефана – истинная благодетельница, что нашей семье сильно повезло, ведь она приютила меня у себя дома и отказывает себе в чем-то, когда каждый месяц высылает ему десять евро на то, чтобы он мог растить сыновей.

Конечно, папа не знает, что месье Шарандон хвастается тем, что зарабатывает десять тысяч евро в месяц и что десять евро – это для него сущий пустяк.

Я извинилась перед отцом, и когда он повесил трубку, Сефана дала мне пощечину. Она сказала, что, если я еще раз так сделаю, они вообще запретят мне с ним разговаривать.

В среду днем идет дождь. Осенний дождь, от которого жизнь становится еще грустнее.

Сефана повезла Вадима к педиатру. Она закрыла Таму в постирочной и оставила кучу неглаженного белья. Дочери Сефаны и Эмильен играют в столовой, Тама слышит, как они ругаются. Они постоянно на что-то жалуются, кажется, им вечно чего-то не хватает. А у Тамы нет ничего, кроме нескольких дышащих на ладан мечтаний да смутных воспоминаний, которые ей ничем не могут помочь. Старая обезображенная кукла, картонная коробка и пара-тройка дырявых платьев.

Им лень ходить в школу, а она мечтает об учебе.

Тама их не понимает.

Вдруг она слышит, как они подходят к ее каморке. Потом щеколда скользит в сторону, и дверь в ее норку открывается. Старшая, Фадила, смотрит на нее и улыбается:

– Пошли с нами играть, Тама?

Девочка так удивлена, что ничего не отвечает. Потом она обретает дар речи.

– Но мне нельзя, – говорит она. – У меня тут работа.

– Мама придет только часа через два!

Тама медлит. Если Сефана увидит, что она развлекается, вместо того чтобы работать, ее снова накажут.

– Ну давай же... Если мама вернется, мы скажем, что сами тебя уговорили.

Тама выключает из розетки утюг и приходит к ним в кухню. Фадила хватается ее за руку и тащит в дальнюю комнату. Спальню девочек. Это большая комната с двухъярусной кроватью, двумя письменными столами, книжными полками, полными игрушек сундуками.

Со всем тем, чего у Тама никогда не будет.

Фадила пододвигает ей стул и приглашает присесть. Она с ней мила, и в конце концов Тама соглашается.

– Во что мы будем играть? – спрашивает она, застенчиво улыбаясь.

– В отличную игру, увидишь!

У Фадилы в руках отрез черной ткани, она обходит Таму, чтобы завязать ей глаза.

– А теперь ты будешь пробовать всякую всячину и угадывать, что это...

Тама кивает.

– Если угадываешь, зарабатываешь одно очко. Не угадываешь, исполняешь желание. Ясно?

– Ясно.

– Открывай рот.

Она снова слушается. Фадила кладет ей на язык что-то сладкое, вкусное.

– Ну, что это?

– Гм... нуга?

– Ага! – восклицает Адина. – Один-ноль.

Тама улыбается, потом проглатывает лакомство. Это нуга из Марокко, чей вкус погружает ее в воспоминания. Она давно уже не ела ничего подобного.

– Давай, вторая попытка! – заявляет Фадила.

Тама открывает рот даже до того, как ее об этом просят. В ноздри бьет неприятный запах, на языке – ложка. Рот заполняет ужасный вкус. К горлу подкатывает тошнота, пальцы судорожно сжимаются. Дети смеются, а она выплевывает эту гадость, которую они пытались заставить ее проглотить. Она встает со стула и срывает повязку.

– Ты жрала дерьмо Вадима! – зло смеется Фадила.

Тама видит, что на ковре валяется грязный памперс, и смотрит на трех злобно хохочущих детей. Она бежит в кухню, открывает кран и прополаскивает рот. Когда она выпрямляется, они стоят прямо за ней.

– Возвращайся в комнату, мы еще не закончили, – приказывает ей Фадила.

– Нет, меня ждет работа.

Фадила вынимает из кармана какой-то блестящий предмет. Тама узнает карманные часы, которые обычно выставлены в гостиной за стеклом.

– Это отцовские, – напоминает Фадила. – И если не будешь делать, что я тебе говорю, я их разобью и скажу, что это ты... Папа так рассердится, что прибьет тебя!

Фадила кладет часы на пол и ставит на них ногу.

– Ну как? – говорит она с дьявольской усмешкой.

На секунду Тама теряет дар речи. Однажды она слышала, как Шарандон рассказывал о том, что эти часы перешли ему по наследству от отца и что они были ему очень дороги. Так что да, за эти часы он способен убить ее.

– Что вам еще от меня нужно? – со страхом спрашивает она.

– Мы просто хотим поиграть, вот и все! Садись.

Фадила убирает часы в карман. У Тамы нет иного выбора – надо слушаться. Она садится и ждет дальнейших инструкций. Фадила на мгновение исчезает и возвращается с веревкой. Они привязывают Таму к стулу и срывают с нее одежду. Она совершенно голая, абсолютно одна, она во власти их хотя и ограниченного, но опасного воображения. Они покрывают ей волосы клеем, лицо воском, сердце – стыдом.

Это только начало.

Дети играют со мной.

Я так желала этого с момента моего прибытия сюда.

Но я никогда не думала, что стану их игрушкой.

Папа, за что?

* * *

Тама готовит еду, когда в кухне появляется Шарандон. Он кладет разбитые часы на стол и страшно смотрит на нее.

– Это не я их разбила, – говорит Тама.

– Неужели? И кто же?

– Фадила.

Голос старшей дочери доносится до его ушей:

– Вот же врунья!

Крик Фадилы звучал так честно, что Тама на мгновение и сама чуть не поверила ей.

Пощечина. Такая сильная, что Тама теряет равновесие и падает на стул. Поднимаясь, она видит, как перед глазами лопаются маленькие яркие мыльные пузырьки.

А еще она видит, как Шарандон расстегивает ремень.

– Я отучу тебя врать!

Минуту спустя она оказывается лежащей на кухонном столе. На обнаженную спину обрушивается ремень, обрушивается столько раз, что ей уже не сосчитать.

Вероятно, потому, что она умеет считать только до двадцати.

К горлу подступают слезы, но она их сдерживает. Как и крик.

Когда Шарандон наконец останавливается, девочка не двигается.

– Одевайся – и марш подавать на стол! – приказывает мужчина. – Я голоден...

Он исчезает в столовой, и пока Тама надевает рубашку, она слышит, как Шарандон разговаривает с женой:

– Не кормить ее, договорились?

Никакой еды в течение минимум двух дней. Вот что ее

ждет, а еще будет гореть спина, это пострашнее, чем пустой желудок.

Едва Тама приехала в этот проклятый дом, как сразу поняла, что Шарандон – человек несдержанный. За прекрасным респектабельным фасадом скрывался монстр с бесконтрольными припадками ярости. Тама никак не может забыть день, когда он забил лопатой кошку только из-за того, что бедное животное куснуло Адину, которая пыталась ее поймать. Шарандон набросился на кошку, и то, что Тама тогда увидела в его взгляде, она видела каждый раз, когда он наказывал ее. Холодное нездоровое удовлетворение.

Тама часто повторяет себе, что, если бы ее не было в этом доме, он бы отводил душу на своей жене или детях.

Да, Тама уверена. Однажды он убьет ее. Как убил ту бедную кошку.

Без сожаления. Без угрызений совести.

* * *

Около десяти тридцати вечера Таме наконец разрешается идти спать. Спина страшно болит, девочке снова не уснуть. Ей кажется, что какой-то когтистый демон безостановочно терзает ее.

Сидя на своем убогом ложе, она рассматривает настольную лампу. Глиняная ножка, бледно-розовый абажур, Таме очень нравится эта лампа. Ее теплый свет – одна из немно-

гих вещей, которые ее успокаивают.

Она слышит звуки фильма, значит Шарандоны ложатся спать. Они всегда быстро засыпают. Вероятно, совесть у них чиста...

В доме наступает тишина, Тама не выключает лампу. Отдохнуть она может только ночью, но, кроме того, ночь – единственный момент, когда ей ничего не угрожает.

Спустя несколько мгновений она слышит раздающиеся в кухне легкие шаги, потом кто-то осторожно три раза стучит в ее дверь. В дверном проеме показывается лицо Адины. Девочка приближается, у нее в руках тубик с кремом.

– Это тебе, – шепчет она. – Для спины...

Тама так удивлена, что ничего не отвечает.

– Сними-ка футболку.

Адина аккуратно наносит крем на горящую кожу. Когда она заканчивает, Тама снова надевает футболку.

– Только никому не говори, – просит Адина. – Договорились?

– Конечно, не волнуйся... Спасибо.

– Спокойной ночи! – говорит Адина и на цыпочках выходит из постирочной.

– Спокойной ночи!

Дверь закрывается, и Тама поворачивается на бок, а затем выключает свет. Она тут же с улыбкой засыпает.

Габриэль подкинул большое бревно бука в очаг. Сидя за столом из ореха, он смотрит, как языки пламени спокойно, почти нежно лижут бревно.

На секунду он представил себе, что их лакомой добычей стало тело молодой незнакомки.

Какой ужасный случай привел ее к нему? Конечно, он жил в единственном доме в округе, но как ей все же не повезло...

Жизнь ведет людей тропами крутыми, извилистыми, опасными. Они оказываются на краю пропасти, падают в нее. И редко оказываются в зеленеющем райском саду.

Габриэль разглядывает свои согревшиеся руки. Эти руки способны на все. Способны строить, защищать, ласкать. Переломить хребет, уничтожить. Давать или брать.

Они способны убивать.

Способны держать оружие, направить его на человека. Нажать на курок.

Немногие это могут. А он, к сожалению, может.

Этим вечером он хотел бы оказаться где-нибудь в другом месте.

Далеко отсюда. Подальше от крови и от ярости.

Этим вечером он хотел бы, чтобы девушка оказалась где-нибудь в другом месте.

Далеко от него.

Тама моет розовую ванную комнату. В доме их две. Розовая – для девочек, голубая – для мальчиков. Она чистит раковину, поднимает голову и видит в зеркале свое отражение. Однажды тетя Афак сказала, что когда Тама вырастет, то станет красавицей. Она думает, что, наверное, еще недостаточно выросла. У нее темная кожа, странного цвета глаза, что-то между золотистым и зеленым цветом.

Тама долго смотрит на себя в зеркало и в конце концов привыкает к отражению. Она даже убеждает себя в том, что она симпатичнее дочерей Сефаны. Вероятно, потому, что Шарандон некрасив не только внутри, но и снаружи.

Да, Тама решает, что она симпатичнее Фадилы и Адины. Если она не будет говорить себе комплиментов, то кто же? Уверенная в своем решении, она начинает напевать песенку, натирая ванну, в которой будут купаться эти барышни. Как это, должно быть, приятно! Ни у отца Тамы, ни у тети Афак ванны не было.

Частенько, когда убирает дом, готовит или стирает, Тама витает в облаках. Она придумывает истории, в которых главная героиня – она сама. Ее дух покидает тело, и Тама путешествует. Отправляется далеко, очень далеко. Становится маленькой девочкой или женщиной, с которой происходят разные опасные, но захватывающие приключения, у Та-

мы быстрый ум, и она продумывает все детали. Из этих приключений она не всегда выходит живой. Но всегда побеждает, так или иначе.

Когда она была помладше, то они с Батуль играли в эту игру по дороге в школу.

Иногда в приключениях Тамы участвуют и ее тюремщики. Она изувечивает им лица, разрушает их жизни, строя свою. Но никогда не убивает. Нет, никогда. Она щадит их, несмотря на то что не знает значения этого слова.

Ее истории происходят в Марокко, потому что Франции она не знает. Она видела только аэропорт, скоростное шоссе, мелькающий городской пейзаж.

Париж для нее – улица, которую она видит из окон дома.

Когда работает телевизор, Таме иногда удастся выхватить взглядом несколько картинок. Снежные вершины гор, зеленеющие поля, старинные памятники, универмаги с безумно дорогими вещами. Виды Соединенных Штатов, а еще Канады. Реки, озера, леса. Гигантские города, здания до небес.

Мир – огромный, бескрайний. Ее мирок – малюсенький. Размером с постирочную.

* * *

Сефана купила птицу, которую заточила в маленькую золотую клетку. Это щегол с великолепным оперением. У него бежевые, черные, белые, красные и желтые перья. Сефана го-

ворит, что он напоминает ей о родине. Я не знаю, где она его нашла, потому что она подчеркнула, что здесь этот вид продавать запрещено. Вероятно, щегла достала для нее Межда.

Конечно, кормить его и чистить каждый день клетку должна я. Сефана же просто слушает, как он поет. По крайней мере, слушала в первые дни. Но, кажется, он ей уже начинает надоедать.

Его лишили неба и поместили за решетку. Его лишили природной стихии, и он оказался в холодном пригороде Парижа. Ни семьи, ни свободы.

Я чувствую себя так же, как он.

Поскольку Сефана не удостоила его имени, я решила называть его Атэк. На арабском это означает «породистый».

У всех должно быть имя. Если у тебя есть имя, значит ты существуешь.

Выбрать щеглу имя – как будто показать ему, что он для меня что-то значит.

Мои родители тоже выбрали для меня имя. Но я больше не имею права его носить.

Вначале Атэк был очень беспокойным. А сейчас он бессиленно сидит у металлических прутьев клетки, и требуется бесконечное терпение с моей стороны, чтобы хоть чуть-чуть его покормить.

Я слушаю его, как только у меня появляется свободная минутка. Я слушаю его и говорю с ним.

Потому что я знаю, как ему грустно, в каком он отчаянии.

Я нашла ее, когда убирала в комнате девочек. Я давно смотрю на нее, и поскольку ее не перекладывают, я решила, что Адине она больше не нужна.

Это книга, чтобы научиться читать. В ней картинки с животными и предметами, а под ними – слова. Я уже говорю по-французски, поэтому чувствую, что смогу.

Я соорудила за стиральной машиной тайник. Положила туда книгу, несколько листов в клеточку и ручку. Это мои военные трофеи, украденные у детей Сефаны. Раз она не желает отправлять меня в школу, я сама выучусь. Посмотрим, так ли я тупа, как она говорит...

Пришла зима, и вчера на землю упало несколько снежинок. Было красиво до слез. А я и плакала. Сефана спросила меня, почему я «реву». Я ответила, что скучаю по маме. «Когда ты забудешь о ней, в конце концов?!» – прокричала она, выходя из комнаты.

Через месяц будут рождественские праздники. Наверное, это самое прекрасное время для детей. Для меня же это означает еще больше работы.

Я не надеюсь получить подарков. Может быть, мне дадут доесть чуть больше остатков с тарелок и положат кусок праздничного пирога.

Но я смогу полюбоваться на елочные фонарики и взять

тайком несколько конфет из открытых коробок. Я засуну их поглубже в карман, а потом съем у себя в уголке.

В общем-то, Рождество – это не так уж и плохо.

* * *

Сегодня после обеда зайдет Межда, двоюродная сестра Сефаны. Она приходит два или три раза в месяц, всегда без мужа, но иногда берет с собой сына Изри.

Изри четырнадцать, почти пятнадцать лет, и он уже красивый юноша с серыми глазами. Если Фадила дома, они вместе играют в приставку, пока их матери беседуют на нашем языке. Сегодня Фадилы нет. Так что Изри скучно. Он устал в телефон, полуразвалившись на диване.

Я уже несколько раз замечала у него на лице синяки, а однажды даже видела, как он пришел в ортопедическом воротнике. Я спрашиваю себя, не таинственный ли отец в этом виноват. Может быть, Изри – просто задира или занимается каким-нибудь единоборством...

Я подаю чай Сефане и Межде, потом возвращаюсь в кухню. Изри идет за мной.

– Дай попить, Тама, пожалуйста?

От его «пожалуйста» я краснею. Я ему улыбаюсь и подаю баночку кока-колы.

– Спасибо.

Вместо того чтобы вернуться в гостиную, он остается в

кухне и наблюдает за мной. Я чувствую на себе его взгляд, это очень странное ощущение.

– Что это? – спрашивает он у меня.

– Курица, фаршированная лимонами.

– Супер пахнет!

Он встает рядом со мной и бросает взгляд в латку.

– Ты волосы постригла? – удивляется он.

Я съеживаюсь:

– Их Сефана обрезала.

– Зачем?

– Не знаю.

– Тебе идет.

Он не представляет, до какой степени меня успокаивают его слова. Легкие заполняются воздухом, голова гордо выпрямляется. Это один из самых прекрасных дней в моей жизни.

Солнце встало час назад, а Габриэль так и сидел в кресле. Он смотрел, как девушка, не переставая, боролась за свою жизнь. Незнакомка оказалась удивительно живучей.

Она напоминала ему Лану, несмотря на то что внешне они похожи не были. Может быть, просто обе были красивыми.

Он потянулся и бесшумно вышел из комнаты. Приготовил себе кофе, открыл Софоклу дверь, потом сел за компьютер. Он внезапно понял, что накануне забыл посмотреть почту, чего с ним никогда не случалось. Девушка, которая ворвалась в его жизнь, заняла в ней слишком много места.

Пришло время ей исчезнуть.

Одно письмо привлекло его взгляд. Оно было от леди Экдикос. Краткое и четкое, как обычно.

Здравствуй, Габри. Думаю о тебе и обнимаю.

У Габриэля сжались кулаки. Участился пульс. Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Эти несколько слов, кажущиеся безобидными, означали много.

Они означали смерть.

Тама заболела. Иногда с ней это случается. Насморк, ангина или бронхит. Но на этот раз дело посерьезней. У Тамы температура, высокая температура. Она едва стоит на ногах, и ей кажется, что мозг словно плавится в кипящей воде, а ноги голые, ледяные. У нее ужасно болит голова, все тело ломит.

Несмотря на это, она приготовила обед и убрала в доме.

Сейчас восемь вечера, все сидят за столом, ожидая, пока их обслужат. Тама вынимает из духовки запеканку с мясом и приносит ее в столовую. Блюдо слишком тяжелое для ее худеньких ручек... Она уже почти дошла до цели, но ноги отказывают. Она падает на пол, разбивая блюдо. Девочки орут, Сефана резко вскакивает с места.

– Вот идиотка! – кричит она.

Тама по-прежнему лежит на полу с закрытыми глазами. Она слышит далекие чужие голоса. Как будто говорящие сидят в пластиковых шарах.

«Что с ней? Она сознание потеряла, что ли? Ломает комедию, говорю вам!»

Шарандон трясет ее за плечи, но Тама не реагирует.

Когда она приходит в себя, то лежит в постирочной на своем матрасе. В полной темноте. В полном одиночестве.

Ее трясет, стучат зубы. Она накрывается одеялом и сворачивается калачиком на своем убогом ложе. Они не будут вызывать врача, Тама в этом уверена. Потому что семейный доктор не знает о ее существовании. Никто не знает, что она здесь. Никто не должен этого знать.

Она умрет, точно умрет. Ее унесет лихорадка, как до этого ее маму.

Тогда Тама начинает молиться. *Прошу вас, сделайте так, чтобы этой ночью я умерла. Но, пожалуйста, без особых страданий.*

* * *

Три дня Тама провела, не вставая, на своем матрасе, у нее был ужасный грипп. К ее большому удивлению, Сефана дала ей аспирин и приготовила суп. Она сделала это не потому, что Тама страдала, а потому, что хотела, чтобы та поскорее вернулась к своим обязанностям.

В течение трех дней у Тамы были видения. К ней приходила ее мать, прямо сюда, в грязную постирочную. Таме казалось, что в гостиной беседует ее отец. Он говорил Сефане о том, что та плохо заботилась о его дочери и что он забирает девочку обратно. Ей даже привиделась ее подруга Батуль, она принесла ей восточных сладостей. Батуль со школы совсем не изменилась, у нее только не было одной руки, совсем как у куклы Тамы.

Лихорадка просто играла с девочкой.

Никто не зашел, чтобы поддержать Тама, никто не вытащил ее из этого ада. Чуда не произошло, и в начале третьего дня Сефана заявила, что девочке лучше и что ей надо приниматься за работу. Так что Тама умылась и оделась. Несмотря на ужасную усталость, блестящие от жара глаза и боль во всем теле.

Сефана очень взвинчена и говорит, что служанка заразила почти всю семью.

– Это Фадила, а не я, – ответила Тама. – У нее температура поднялась за день до меня.

– Почему ты постоянно все валишь на других?! – заорала Сефана.

– Не знаю, как я могла чем-то заразиться, если я никуда не выхожу.

У Сефаны закончились аргументы, поэтому она дала Таме пощечину и покинула кухню.

Шарандон лежит в лежку уже три дня, Эмильен тоже. Фадила встает, но пока еще не ходит в школу. К ним, однако, пришел врач и выписал кучу лекарств. Тама думает, что они не такие выносливые, как она, и эта мысль наполняет ее некоторой гордостью. А еще одна мысль – о том, что они страдают, – приносит ей очевидное удовольствие. Пока она стирает и развешивает накопившееся за дни болезни белье, Тама надеется, что ее не накажут за такие плохие мысли.

Накажут... а кто ее может наказать?

Она всегда слышала, что существует некий Бог. Где-то там, наверху. Ей о Нем иногда рассказывала тетя Афак. «Он знает все, что мы делаем, угадывает каждую нашу мысль, судит за каждое наше действие».

Если Ему известно, что она здесь переживает, то почему Он не вмешивается?

Может быть, она слишком незначительна для того, чтобы Он обратил на нее внимание. Но разве не Богу дано разглядеть то, что не видно человеческому глазу?

Или Его просто-напросто не существует. Совсем.

* * *

Я три раза стучу в дверь, забираю поднос, который поставила на пол, и вхожу в комнату. Шарандон лежит в постели, его голова утопает в мягкой подушке.

Он и правда неважно выглядит. Еще хуже, чем обычно. Лицо осунулось, под глазами – фиолетовые круги. Я спрашиваю себя, так же ли я выглядела, когда болела.

Нет, я не могла быть такой уродливой, не может быть!

Сефана приказала мне отнести ему поесть чего-нибудь легкого в спальню, потому что «бедняжка» Шарандон не может встать.

Как только я вхожу, он сбрасывает одеяло и садится на край матраса. На нем только трусы, что меня очень смущает. Мне уже приходилось сталкиваться с ним, когда он выходил

из ванной комнаты, но я впервые вижу его в спальне практически голым.

Я ставлю поднос рядом с ним на кровать. Он меня не благодарит. Хотя спасибо я от него никогда не слышала.

— Где моя жена?

— Она поехала в магазин, — отвечаю я. — Вам чего-нибудь еще?

— Подай телефон, — бурчит он.

Я беру телефон, который лежит на комод, и приношу его. Думая, что он его уже держит в руке, я ослабляю хватку. Телефон падает на паркет. Я быстро его поднимаю, и он вырывает телефон у меня из рук.

— Могла бы хотя бы извиниться, мелкая тварюга! — говорит он, проверяя, что его ценный айфон работает.

Да, я могла бы извиниться. Но, как ни странно, я не могу произнести ни слова. Хуже того — я пристально на него смотрю.

Не знаю, почему я так поступаю. Вероятно, потому, что мне так хочется. Хочется, и все. И контролировать это невозможно.

Наверное, потому, что он назвал меня «мелкой тварюгой». Хотя я привыкла, что меня обзывают и он, и все члены его семьи.

Он поднимает голову и натывается на мой взгляд. По его глазам я понимаю, что мой взгляд ему совершенно не нравится. Я чувствую, что ситуация становится взрывоопасной.

Несмотря на это, я продолжаю смотреть на него с вызовом.

Он хватается меня за запястье и резко тянет к себе. Поскольку он сидит, наши лица находятся на одном уровне.

– Опусть глаза, – приказывает он.

– Я не «мелкая тварюга».

– Заткнись. Опусть глаза.

У меня в голове криком кричит голос:

Слушайся, Тама. Слушайся, иначе он тебя приберет.

Потом голос замолкает, его место занимает ярость.

– Я не «мелкая тварюга», месье.

Неожиданно он улыбается. Ужасной улыбкой.

– Нет, ты просто мелкая «прислуга»... Ты ноль на самом деле. Просто ноль.

Моя ярость усиливается. Осторожность забыта. Я стараюсь освободить руку, но он лишь крепче ее сжимает.

– А вы тогда кто? – спрашиваю я.

Мне в голову приходит одно слово. Вернее, ругательство, которое я выучила здесь, в этом доме, слушая, как разговаривают мои палачи.

– Сволочь, наверное.

Улыбка Шарандона пропадает. Он выкручивает мне правую руку, слышится страшный хруст. Я кричу, потом падаю на колени. Он хватается меня за волосы.

– Еще раз так со мной заговоришь, убью! – говорит он тихо.

Он поднимается, чуть спотыкается и протягивает одну ру-

ку к двери, а другой по-прежнему крепко меня держит. Когда я слышу, что в замке поворачивается ключ, место ярости занимает страх. Я зашла слишком далеко. Он будет меня бить, может быть, убьет. Но, в конце концов, разве не этого я хочу?

Он возвращается, садится напротив меня, закидывает мне голову, выворачивая шею.

– Хочешь поиграть, мелкая шлюшка? Я научу тебя вежливости, вот увидишь...

Последним усилием воли, а может быть, просто инстинктивно я снова пытаюсь вырваться. Но он намного сильнее меня... Битва проиграна с самого начала. Одним движением он прижимает мою голову к своим трусам, другой рукой вытаскивает член и тычет мне в лицо:

– Открой рот...

Я отворачиваю голову, чтобы избежать этого отвратительного контакта. Он снова выворачивает мне шею:

– Открывай рот, шлюха!

Когда я отказываюсь, он дает мне пощечину, потом еще одну.

– Пришло время впрячь тебя в кое-что еще, кроме уборки, – говорит он и мерзко ухмыляется.

Я начинаю дрожать, плакать.

– Что, перестала храбриться, да? Открывай рот, не то глаза выколю...

Вдруг кто-то барабанит в дверь. Шарандон застывает на

месте, но меня не отпускает. В коридоре раздается голос Фадилы.

– Папа?

– Что? – рычит он.

– Подойти к Эмильену! Мне кажется, ему совсем плохо!

– Иду...

Фадила пытается открыть дверь.

– Иду, говорю тебе! – орет ее отец.

Он пристально смотрит на меня.

– Скоро увидимся, – произносит он тихо. – И не забывай, кто ты...

Он отпускает мою руку и выходит из комнаты. Несколько секунд я продолжаю стоять на коленях у кровати. Меня так трясет, что я не могу подняться на ноги.

Я чувствую, что только что избежала чего-то ужасного. Чего-то грязного. Но я знаю, он этого так не оставит. Теперь меня подстерегает новая опасность. И эту опасность я не заслужила, в чем бы я ни провинилась.

И я знаю, кто я на самом деле.

* * *

Сегодня Рождество. Дети получили горы подарков. Столько игрушек, что я спрашиваю себя, когда они будут в них играть... Сефана подарила мне новую рубашку, розовую в синий цветочек. Я не ожидала, что получу подарок,

поэтому удивилась и даже обрадовалась. А еще мне подарили плитку шоколада и дали кусочек праздничного пирога. В этом году рождественское полено³ сделали с ванилью, было очень вкусно.

Когда все наконец легли спать, я включила лампу и взяла свою книгу. Я использую листы в крупную клетку, которые украла из спальни девочек. Я смотрю на картинку, очень тихо произношу слово и потом копирую буквы. Это сложно, особенно после проведенного в труде дня. Но я начала учиться еще в Марокко, когда изредка ходила в школу. На арабском, конечно, но метод такой же.

Я говорю себе, что в следующем году на Рождество я смогу прочитать всю книгу и полностью ее переписать. Я говорю себе, что когда-нибудь это мне пригодится. И потом, не знаю почему, это придает мне сил.

Позавчера снова приходил Изри. Он сказал, что я становлюсь все красивее. Фадила это услышала, и я увидела, что она чуть не умерла от зависти.

И это тоже придает мне сил.

Но я постоянно думаю о том, что попытался сделать со мной Шарандон. Чем бы я ни занималась, мысленно я постоянно возвращаюсь в ту комнату.

³ *Рождественское полено* – традиционный рождественский торт, распространенный во Франции и бывших французских колониях, разновидность рулета. Обычай выпекания этого торта восходит к средневековому обычаю сожжения рождественского полена.

Каникулы скоро заканчиваются. Сефана с детьми пошла в гости к Межде. Наверное, они получат новые подарки, еще лучше прежних.

Тама в кухне, чистит картошку на ужин. Шарандон не захотел пойти с женой в гости и сидит на диване у телевизора.

Как это часто бывает, Тама погружена в мечты. Она сидит на лучике звезды и пытается представить себе все то, что ей неизвестно о мире вокруг. Тама знает, что мир скрывается в книгах, и ей не терпится начать их читать.

Вдруг она замечает в дверном проеме Шарандона, он стоит, скрестив на груди руки, и пристально на нее смотрит. Сердце девочки судорожно колотится. Он медленно приближается и садится около нее.

— Мы в прошлый раз не закончили, — напоминает он с гадкой улыбочкой.

Маленькие пальцы Тамы сжимают ручку ножа. После того как Шарандон сжег ей кожу на правой ладони, она научилась готовить левой рукой.

— Иди сюда, — приказывает Шарандон.

Она делает шаг назад, он хватает ее за руку, привлекает к себе.

— Тронете, расскажу вашей жене! — шепчет Тама. — И детям.

– И что? – веселится Шарандон. – Они тебе не поверят.

– А потом я вас убью! – добавляет она с удивительной решимостью.

Шарандон начинает смеяться и просовывает руку Таме под рубашку.

– Ты? Меня убьешь?

– Да. Я возьму нож и перережу вам горло во сне. Или всажу нож в живот. Несколько раз.

Шарандон убирает руку.

– Если ты так сделаешь, то попадешь в тюрьму! – предупреждает он.

– Я уже в тюрьме.

Он смотрит на лезвие ножа, когда выходит из кухни. Тама падает на стул. У нее дрожат руки и губы.

Она знает, что на какое-то время он оставит ее в покое. Что она победила, выиграла битву.

Битву, да.

Но не войну.

Габриэль подошел к единственному окошку и показал паспорт. Почтальон вручил ему большой конверт.

Простой конверт.

Габриэль сел за руль и пересек деревню. Выехав на шоссе, он снова остановился. Конверт лежал на переднем сиденье.

Внутри Габриэль обнаружил фотографию женщины лет пятидесяти. На оборотной стороне – имя, адрес и несколько строк ценной информации.

Кроме фотографии, леди Экдикос вложила в конверт короткую записку. «Номера машины, к сожалению, фальшивые».

Габриэль долго рассматривал лицо жертвы. Он почувствовал, как внутренности раздирает старая рана. Боль была недолгой, но сильной. Такой сильной...

Он убрал фотографию в конверт и закурил.

Жертва жила в Тулузе, ему придется уехать минимум на два дня. Чтобы найти нужное место, изучить ее привычки. Пока не наступит идеальный момент.

Судьбоносный момент.

Он тронулся с места, несколько резко, и углубился в лабиринт ущелий.

Перевалило за полдень, и Габриэль торопился к уснувшей в комнате незнакомке.

Тама включает сушилку, потом снова залезает под одеяло. Хотя она и растирает ноги и руки, ее все равно знобит. Температура в комнате немного поднимается благодаря идущему от сушилки теплу.

Когда Шарандонам придет счет за электричество, у них будет сердечный приступ, ну и ладно. Вернее, вот и отлично!

Если Тама не согреется, то умрет от холода в этой проклятой постирочной.

Хозяева уехали на неделю. Сейчас зимние каникулы, и Тама слышала, что они собирались кататься на лыжах. Она не вполне представляет себе, что такое лыжи, но ей кажется, что это должно быть весело.

Ну а ее закрыли в постирочной на неделю, компанию Тама составляют только Батуль и Атэк. Конечно, в целях экономии Шарандоны отключили батареи. Оставили девочке немного еды, чтобы она только не умерла с голоду, совсем немного. И самое главное, ничего горячего. Лишь несколько начатых пачек печенья, дюжину яблок и два банана. Прочую еду Сефана закрыла на ключ, на случай если Тама вдруг неожиданно захочется попить. Еще хорошо, что в постирочной есть туалет.

Тама кажется, что она собака, которой нужно сторожить будку.

Собака, которой вырвали клыки.

Девочка проводит дни за чтением и письмом, несмотря на холод, из-за которого дрожат руки. Каждый день она понимает, что движется вперед. До отъезда Шарандонов на каникулы ей пришла в голову хорошая мысль взять еще одну книгу в комнате у Эмильена. Маленькую книгу с великолепными иллюстрациями, которыми она не устает любоваться. Книгу с настоящей историей, которую она старается прочитать вслух. Она даже попробовала рисовать, правда с переменным успехом.

Она встает, делает несколько шагов, чтобы размять затекшие ноги, и подходит к клетке Атэка. Он сидит на своей жердочке, тихий и неподвижный.

– Знаешь, мне хочется открыть клетку... Но если я это сделаю, то снова получу. Понимаешь?.. Тебе тоже холодно?

Она пододвигает клетку к сушилке, которая, к счастью, не очень шумно работает.

– Увидишь, тебе так будет лучше. А ты помнишь время, когда был свободным? Я помню – чуть-чуть...

Тама дает ему кусочек печенья и несколько зернышек. Потом долго с ним разговаривает, описывая солнце, которое сияло в удивительно чистом небе. Напевает ему песенки, которые ей любила петь вечером мама. Рассказывает о нежных словах, которые та говорила ей, и только ей. Вспоминает о том, как смеялись и играли в школьном дворе ученики.

Обо всем, что осталось позади.

Обо всем, что казалось ей вечным.

Когда наступает ночь, она зажигает свою маленькую лампу и греется в тепле воспоминаний. И немного сумасшедших надежд.

От холода Тама засыпает. С мыслью о благословенном времени, когда ее имя было...

Три недели назад мне исполнилось десять лет. В день рождения, как на восемь и на девять лет, Сефана попросила меня надеть красивое платье, которое принадлежит Адине. Она сфотографировала меня с подарком в красивой обертке в руках рядом с большим тортом, который я приготовила утром. Она приказала мне улыбнуться, и я послушалась.

Я знаю, что она отправит эту фотографию моему отцу. Представляю, как он вскрывает письмо и радуется тому, что я счастлива.

В тот же вечер он позвонил, и, прежде чем передать мне трубку, Сефана соврала, что я плохо вела себя в школе и меня ругали. Когда она протянула мне телефон, я поняла по ее взгляду, что лучше ей не перечить. Поэтому я слушала, как отец читает мне нотации. Я слушала, как он меня ругает, но сама не жаловалась и пообещала ему, что больше так не буду.

Вечером мне, как обычно, дали объедки со стола.

Но торта мне не оставили ни крошечки.

Я здесь уже два года и три недели. Я прочитала все книги, которые были в комнате у Эмильена. Теперь я перешла на книги Адины. Беру одну, прячу за стиральной машиной, а когда дочитываю, возвращаю на место.

Пока что никто ничего не заметил.

Когда я слышу, как Адина вслух читает домашнее задание, я понимаю, что у меня получается лучше, чем у нее, а она ходит в школу каждый день. Так что я не такая уж и идиотка.

А еще я пишу. Целые фразы.

Я нашла новую книгу, она толще, чем остальные. Она называется «словарь». Мне еще трудно в нем разобраться, я действую по наитию, но иногда у меня получается понять смысл слова, значение которого я не знала.

Когда я открываю новую книгу, мне кажется, что где-то у меня в голове как будто распахивается новая дверь. Замки поддаются, открываются один за другим. Книга – это как путешествие во времени или в пространстве. Путешествие в души людей, в свет или во тьму. Поэтому истории, которые я придумываю, становятся все более сложными.

Я думаю, что, если бы меня лишили книг, это бы меня убило.

Кроме моих умственных способностей, в доме ничего особенно не изменилось. У меня все то же расписание, те же матрас, одеяло и подушка. Правая рука уже почти не беспокоит, болит только, когда вода слишком горячая или при контакте с некоторыми средствами для уборки.

Я сшила новые платья для Батуль и даже связала ей маленькие шапочку и шарф из остатков шерсти, которые укра-

ла у Сефаны.

Атэк поет редко, и когда у меня есть время, я ставлю его клетку на подоконник. Так он может видеть небо. Я спрашиваю себя, лучше ли ему от этого, или, наоборот, это приносит ему страдание.

Изменилась я. Я немного выросла, но настоящие изменения произошли внутри меня.

Я перестала надеяться.

Я сказала себе, что так лучше.

Вадим тоже подрос. Сейчас ему полтора года. Мне по-прежнему очень нравится им заниматься, но это непросто, потому что теперь он ходит. Мне постоянно надо быть начеку. Иногда он что-то щебечет, мурлычет, но по-настоящему еще не говорит.

Первое слово, которое он произнес, когда ему было четыре месяца и два дня, было «Тама». И это слово слышали все.

Сефана никогда мне этого не простит. Когда-нибудь придется за это поплатиться.

Изри больше не приходил. Но его мать заходит к Сефане несколько раз в месяц. Они часами разговаривают, сидя в гостиной. Иногда я слышу, что они говорят, вероятно, потому, что они совершенно не обращают на меня внимания.

Сегодня я узнала, что муж Межды ушел из дома и больше туда не вернется. Судя по тону Межды, новость была хорошей. Но она беспокоилась за Изри.

– Сын пошел по плохой дорожке, – призналась она Сефана. – В лицей ходить не хочет, якшается с хулиганами.

Она думает, что Изри принимает наркотики.

Мне было очень жаль это слышать. Сефана ответила ей, что это кризис подросткового возраста и что скоро все будет хорошо.

* * *

Я жду, пока все точно уснут. Я одела теплую кофту, положила две пачки печенья, Батуль, книги, листы и ручку в полиэтиленовый пакет и вышла из постирочной, стараясь не шуметь.

Сейчас два часа ночи. Я, как можно аккуратнее, открываю ящик, беру ключ и иду к входной двери. За ней – холод и свобода. Сердце у меня бьется так сильно, что я уверена – его на всем свете слышно. Я закрываю за собой дверь и спускаюсь в темный сад. Теперь нужно перелезть через забор. С пакетом в руках у меня это не получится. Поэтому я бросаю пакет на улицу, а потом хватаюсь за сетку и пытаюсь перелезть на ту сторону. Высота не очень большая, но все не так просто, как кажется.

С третьей попытки я оказываюсь на неизведанной территории.

Я подбираю пакет и решаюсь пойти направо. Иду быстро. Несмотря на теплую кофту, холод пробирает до костей и от-

бирает силы.

Холод и страх.

Я не знаю, куда иду. Не знаю, где я. Знаю только, что уже не в заточении.

Господи, я забыла Атэка! Я медлю, но обратно решаю не идти.

Перехожу на бег. Чтобы этот проклятый дом, эта тюрьма осталась позади. И чтобы согреться. В конце улицы сворачиваю влево и продолжаю нестись во все лопатки. Сердце сжимает страх, ноги подкашиваются. Тело перестает слушаться.

Мне хочется развернуться и снова оказаться у себя в постирочной.

В своей конуре.

Потому что я не знаю, куда иду. Не знаю, где я. Не знаю, что меня ждет. Как вернуться домой.

Поэтому я останавливаюсь. Неизвестно где. Вокруг – темные дома. Как странно, они все похожи друг на друга. Мое дыхание становится ровным, мысли проясняются.

Нет, Тама, возвращаться ты не должна. Ты должна спастись.

Я опять трогаюсь в путь, прижимая к себе пакет. С моими сокровищами. Единственными принадлежащими мне вещами, пусть я их и украла.

Я обязательно найду кого-нибудь, кто мне поможет. Кто сжалится надо мной...

Тама прижимает Батуль к груди. Она часто и громко дышит.

Она улыбается.

Лежа на брошенном прямо на пол матрасе в постирочной, Тама видит сон.

Потому что только во сне ей достает храбрости убежать.

– Мне придется оставить тебя на пару-тройку дней, милая моя, – прошептал Габриэль.

Он пододвинул кресло к кровати и уже несколько часов не сводил с девушки взгляда. Та проснулась на пару минут. Но, казалось, ее глаза, хотя и широко открытые, ничего вокруг не видели. Она произнесла какое-то слово, может быть, чье-то имя. Габриэль не разобрал.

– Постарайся не умереть, пока меня не будет, – продолжил он. – Постарайся меня дождаться...

Он ненадолго исчез и вернулся с маленькой бутылкой воды в руках. Поставил ее у кровати и потрогал лоб девушки. У нее все еще был жар.

– До скорого, – сказал он.

Он взял сумку, та была уже собрана, отвел Софокла на конюшню, где уже заготовил большое количество еды, потом сел во внедорожник. Но завел двигатель не сразу. Торопиться некуда. Он подумал, что мог бы дождаться, пока девушка испустит дух, и только потом отправиться в путь. Да, ему трудно было оставить ее, отойти от нее хоть на шаг. Пора бы ей уже умереть.

Он повернул ключ зажигания и дал себе обещание. *Если, когда я вернусь, она все еще будет жива, я собственноручно убью ее.*

Она приняла решение больше не мечтать. Но у нее не получается.

Каждый день, вопреки собственному желанию, Тама думает о будущем, говоря себе, что когда-нибудь она отсюда выберется и станет жить нормальной жизнью.

Она не может сдержаться, это сильнее ее.

Вечером у себя в постирочной она жалеет, что у нее все еще теплится эта глупая мечта. Она хотела бы задушить ее, забыть. Потому что без этой мечты она бы уже давно положила конец своим страданиям. Достаточно было бы выпить хлорки или еще какого-нибудь средства для уборки. Засадить себе кухонный нож в сердце. Со всех сил пережать горло шейным платком.

Есть множество способов прервать страдания. Но у нее не получается.

Я недостаточно сильная, недостаточно храбрая. Я маленькая безвольная рабыня, испуганный ребенок.

Я ничто.

И Тама не препятствует своим мечтам, продолжает надеяться. Вернуться домой или даже остаться во Франции. Но в собственном доме, там, где она будет спать в комнате на настоящей кровати. Где сможет есть то, что пожелает.

Да и просто есть досыта.

Еще Тама мечтает ходить в школу. Продолжить учиться читать и писать.

Мечтает, чтобы у нее была настоящая работа.

Настоящая жизнь.

Несколькими днями ранее она слышала, как Фадила доверительно говорила матери о своем желании стать адвокатом. О том, что она будет долго учиться в университете.

Наверное, Фадила талантлива. Умна. Но прежде всего у нее есть время и деньги на учебу. А Таме приходится прятаться под одеяло, чтобы читать по слогам книги Адины. Кстати, она уже их все прочла. И теперь украдкой берет книги Фадилы. Они сложнее, но интереснее. Многие слова недоступны ее пониманию, и ей приходится выписывать их и на следующий день искать в маленьком словаре Эмильена.

Накануне вечером звонил ее отец. Тама слушала, как Сефана рассказывала ему о том, что его дочь выгнали из школы, потому что она украла вещи у одноклассницы.

Сердце Тамы раскололось, подобно фруктам, которые слишком долго пролежали на солнце. Сефана добавила, что Тама наказана и что она не передаст девочке трубку. Что, несмотря ни на что, она не выгонит Таму и сделает все возможное, чтобы найти для нее другую школу, лишь бы ее туда взяли. После того как Сефана повесила трубку, она злорадно улыбнулась своей рабыне.

– Твой отец в ярости. Думаю, ему за тебя стыдно и он тебя

больше не любит.

Тама ничего не ответила. Она просто проплакала всю ночь.

Тама, как магнитом, тянет к окну гостиной. Высоко в небе светит яркое солнце. Она хотела бы почувствовать его нежные прогоняющие усталость лучи на своей коже.

Когда Тама оборачивается, Вадима нет. Еще несколько секунд назад он был на своем коврикe для игр. Он не может быть далеко!

Вбежав в кухню, Тама видит, что ребенок стоит рядом с плитой. Над его головой – ручка ковши с кипящей водой. Тама перестает дышать, кровь стынет у нее в жилах. Вадим поднимает руку и хватается за ковш. Тама с криком бросается к нему:

– Нет!

Поздно.

Слишком поздно.

* * *

Она горько плачет у себя в постирочной. Прижимает к груди Батуль и мерно раскачивается.

– Это я виновата... Я виновата...

Сефана с мужем еще не вернулись из больницы. Наверное, они проведут там с Вадимом всю ночь, пока другие дети

у Межды.

Тама одна.

Одна наедине со своим огромным горем. Со своей виной, раздирающей ей душу.

Она не знала, что может так сильно страдать. Ей хочется умереть. Сердце девочки, маленькое и хрупкое, больно сжимается в груди, отчего ей кажется, что оно вот-вот разорвется. Больше всего на свете ей хотелось бы оказаться на месте Вадима. Взять на себя его боль, прожить ее, выстрадать самой. Ни одно из выученных ею слов не может описать то, что она сейчас чувствует. Ни одно из них не может прийти к ней на помощь. В это бесконечно длящееся мгновение Таму сжигает пламя отчаяния.

Тама хотела бы только одного.

Умереть.

Когда открывается входная дверь, Тама приподнимается на своем матрасе. Она внимательно прислушивается, надеясь различить тонкий голосок Вадима. Но до нее доносятся только голоса Сефаны и ее мужа.

И Таме становится страшно.

Как будто ей изо всех сил дали кулаком в лицо.

До этой минуты она думала только о Вадиме и его страданиях. Но сейчас она понимает, что расплата близка. Что она *должна* будет заплатить. Что это неизбежно и даже правильно.

Дверь постирочной отпирается с ужасающим шумом. На освещенном пороге показывается огромная фигура. Это Шарандон, он пристально смотрит на нее, как готовящийся броситься на свою добычу лев. Тама ясно увидела картинку из одной прочитанной книги.

Картинку ужасного дракона.

– Ну что, довольна?

– Я не хотела, чтобы с Вадимом что-нибудь случилось, – прошептала Тама. – Где он?

– В больнице. И надолго. Из-за тебя.

– Простите, месье. Я всего на секунду отвернулась.

– «Всего»?!

Он был странно спокоен. Опасно спокоен. Тама начинает дрожать.

– Выходи, – приказывает он.

Наказание Тамы приближается. Шарандон тащит ее за шею в кухню, где их поджидает Сефана с красными от слез глазами, с искаженным ненавистью лицом. Она бросается на Таму, сжимает ей плечи и вонзает в ее незащищенную нежную кожу ногти.

– Из-за тебя мой сын останется на всю жизнь изуродованным! – орет она.

– Я не хотела! Не хотела, клянусь!

Сефана вцепляется девочке в волосы, приподнимает и толкает в стену. Она в истерике и должна на кого-то выплеснуть свой гнев и свое горе.

На кого-то, кто всегда под рукой.

На Таму обрушиваются удары. Она не пытается ни убежать, ни даже защититься. Она перестает думать о собственном теле, чтобы спрятаться в уголке своей души. В самом укромном уголке.

* * *

Вспомнит ли кто-нибудь обо мне, когда они меня убьют? Вчера, убираясь в доме, я нашла альбом с фотографиями. Я быстро его пролистала, чтобы никто не увидел. В нем были фотографии всей семьи. Сефаны с мужем... Он и раньше был страшным и не очень-то изменился! Вот Фадила, еще совсем малышка, в Марокко, Адина, Эмильен и Вадим... Куча фотографий, на каникулах и в разных других местах. И еще фотографии класса.

Думаю, не существует ни одной моей фотографии. Ни одной «настоящей» фотографии. Только те, что делала Сефана на каждый мой день рождения. Но они не считаются.

Так вспомнит ли кто-нибудь обо мне, когда они меня убьют?

Быть может, Вадим, да еще, наверное, Афак. Отец – не знаю. Потому что, по всей видимости, он обо мне позабыл. Он не звонил уже по крайней мере два месяца.

Нет, он не мог позабыть обо мне. Вероятно, он просто очень сердится на меня из-за вранья Сефаны.

Уже неделя, как Вадима привезли из больницы. В общем, все не так плохо. У него останутся шрамы на лопатках и на одной руке, если я правильно поняла.

Пока что мне не разрешают к нему приближаться. Но я знаю, что Сефана надоест им заниматься и она снова вверит мне смотреть за ним.

К тому же он меня зовет. Ей, Сефана, это должно быть неприятно...

В тот вечер, когда они вернулись из больницы, Сефана чуть меня не убила. Она долго и сильно меня била. Так, что до следующего утра я не приходила в сознание. Когда я очнулась рано утром, то лежала на полу в постирочной, на животе. Мне удалось поползти до матраса, все лучше, чем лежать на плиточном полу. У меня распухло все лицо, я не могла открыть правый глаз и пошевелить левой рукой.

Я и сейчас еще плохо выгляжу. Большая рана на губе, синяк под глазом и гематомы по всему телу. Сефана вырвала у меня половину волос. Так что я вынуждена надевать платок, чтобы прикрыть образовавшуюся проплешину. Настоящие проблемы у меня с рукой. Я по-прежнему не могу ею пользоваться, это очень мешает работе по дому. И потом Сефана меня так сильно била, что сломала зуб, и я стараюсь не улыбаться своему отражению в зеркале, когда чищу раковину. К счастью, зуб просто сколот.

Главное, что Вадиму лучше. Вчера, пока Сефана его кор-

мила, я делала ему знаки так, чтобы она не заметила. В ответ он улыбнулся мне своей самой широкой улыбкой. Наверное, это значит, что он меня простил. А это для меня самое главное.

Остальное не важно.

Но каждый день я молюсь о том, чтобы Изри не пришел к Шарандонам, пока я полностью не поправлюсь. Я бы не хотела, чтобы он увидел меня такой. Ему бы стало противно. Несколько раз заходила Межда, но, к счастью, без сына.

Так что иногда и мне везет.

Она вновь закрыла глаза. Она выходила из комы, как выходят из темного зала, и еще не могла находиться на свету. Первое, что она ощутила, была жажда. Ужасная жажда.

Она снова попыталась поднять веки, с трудом разглядела верх стены, часть потолка, а потом снова погрузилась в темноту. Однако боль помешала ей потерять сознание. Острая боль, происхождение которой ей установить не удалось.

Так что она в третий раз открыла глаза и попыталась по двигать головой. Словно множество иголок было наткнуто ей в затылок, а череп сжимали тиски. Пока что все оставалось для нее как в дымке. Но несколько секунд спустя девушка различила окно, мебель. Комнату она видела впервые. Она лежала на кровати, постель застелена бельем бежевого цвета, на дворе стоял день.

Правое запястье ее оказалось прикованным к одной из металлических перекладин в изголовье кровати. Когда девушка это поняла, то захотела подняться и почувствовала, как в бок ей вонзилось острие.

Она с криком упала на матрас, она задыхалась. Потолок начал кружиться, стена опасно пододвинулась прямо к ней.

Девушке показалось, что она увидела бутылку воды, и она попыталась протянуть к ней руку. Но у нее не получилось, не было сил.

Она ничего не помнила.

Она почувствовала, как какая-то горячая жидкость потекла у нее по щекам, а потом вниз живота. Затем неизвестная сила вновь погрузила ее в темноту, беззвучную и пустую.

* * *

Прежде чем покинуть скромный отель, в котором он остановился под вымышленным именем, Габриэль заплатил за два дня вперед. Этим утром в Тулузе шел дождь. Холодный дождь, почти снег.

Габриэль поднял воротник куртки и закурил.

Он думал о Лане. На самом деле он никогда не переставал думать о ней. Он думал о ней, делая каждый шаг, закуривая каждую сигарету, думал каждую секунду.

Когда он прибыл на место, то остановился около журнального киоска. Напротив флорист поднимал металлическую рольставню своего магазина и выставлял вазы с множеством срезанных цветов, цикламенов и вереска. Габриэль вспомнил, что Лана ненавидела, когда ей дарили букеты.

«Мертвые цветы», – говорила она.

Она любила только живые растения, уходящие корнями в землю.

После Ланы он подумал о Луизе, второй женщине его жизни. В отличие от Ланы, та обожала букеты и расставляла их повсюду в доме. Розы, лилии, анемоны. Но больше всего

она любила фрезии.

Входная дверь открылась, и показалась его будущая жертва. Она была с девушкой лет шестнадцати или семнадцати.

Валери Ленуар выглядела взволнованной, торопящейся. Начинался ее рабочий день, и она еще не знала, что он станет для нее последним. Что ей осталось жить менее часа.

Как не думала и девушка, которая шла рядом с ней, что ее жизнь тоже скоро навсегда изменится.

Десять минут спустя девочка-подросток обняла мать.

В последний раз.

У Габриэля кольнуло сердце. Он смотрел, как девушка повернула к лицу, в то время как Валери продолжила свой путь в магазин. В обувной магазин на одной из торговых улиц.

Он следовал за ней двадцать минут, но она ни разу не обернулась.

Зачем ей оборачиваться?

«Она не чувствует за собой никакой вины. Скорее всего, не чувствует».

Женщина вошла в собственный магазин, открыв боковую дверь, но рольставни не подняла. Габриэль знал, что каждое утро она сначала делает легкую уборку и готовит к работе кассовый аппарат.

Эти несколько минут она в магазине одна.

Последние несколько минут ее жизни.

Она снова вышла из забытья. Она все чаще приходила в себя, все дольше оставалась в сознании. Ей удалось приподняться, что вызвало ужасную боль, и она снова закричала.

Обстановка казалась немного туманной, налетали обрывки воспоминаний. Странные образы, утопающие в густом тумане.

Добраться до бутылки с водой представлялось ей вопросом жизни и смерти. Поэтому она собрала все силы, напряглась и протянула руку к прикроватной тумбочке. Она ухватила бутылку и пододвинула к себе. Затем несколько секунд переводила дыхание, обессиленная этим титаническим трудом. Она с трудом открутила крышку и выпила всю воду прямо из горлышка. Пол-литра – это так мало. Она могла бы выпить озеро, море, океан. Девушка продолжала сжимать пустую бутылку и почувствовала, что снова погружается в небытие. Она попыталась сопротивляться, держаться, бороться. Нужно было узнать, где она находится. Почему ее привязали.

Но ее снова поглотила темнота. Комната перестала быть тихой. Теперь ее наполняли крики, страхи и чудовища.

Тама выключает из розетки утюг и вздыхает. Она уже несколько часов на ногах, ноги сводит судорога, которая доходит до спины.

Она берет кипу выглаженной одежды и пересекает коридор. Дверь в хозяйскую спальню открыта, но, прежде чем войти, Тама стучит. Сефана лежит на кровати и листает глянцевый журнал. По названию Тама понимает, что это журнал мод, журнал для женщин. По крайней мере, для тех из них, у кого есть время почитать и право походить по магазинам.

Тама тщательно раскладывает в шкафу футболки хозяйки дома и рубашки ее мужа. Затем вешает платья и брюки. Когда она заканчивает, то смотрит на Сефану и покашливает:

– Мадам?

– Что?

– Я все погладила...

– И что?

– Можно я отдохну, пока дети не вернулись из школы?

– «Отдохну»?! – повторяет Сефана, отрываясь от журнала.

– У меня болит спина и...

– Бедняжка! Может, организовать тебе массажик?

– Нет, но...

Сефана надевает тапочки и хватает Таму за запястье. Ташит в коридор, открывает дверь комнаты девочек и толкает Таму внутрь.

– Считаешь, что все сделала? – бросает она.

Тама внимательно оглядывает комнату: кровати заправлены, простыни чистые, вещи аккуратно разложены, окна протерты, она также пропылесосила. И не понимает, что имеет в виду Сефана.

– Ты бог знает сколько ковер не чистила! Так что потопрапливайся.

Женщина возвращается к себе, а Тама идет в кухню. Вытаскивает из-под раковины чистящее средство и щетку. Иногда Сефана требует, чтобы она продезинфицировала ковер. Вроде бы для того, чтобы избавиться от клещей, маленьких насекомых, на которых у Адины аллергия. Тама тщательно осматривает ковер, но не видит никаких букашек и говорит себе, что если где-то и есть букашки, так только в голове у Сефаны.

– И чаю принеси! – кричит хозяйка дома.

Тама на секунду закрывает глаза.

– Чертова идиотка! – шепчет она. – Чертова идиотка...

Она ставит чашку в микроволновку, берет блюдечко и пакетик чая с мятой. Как только вода становится горячей, Тама опускает в нее пакетик. Потом она берет стакан, идет в постирочную и садится на горшок.

– Ну что, скоро там? – нетерпеливо спрашивает Сефана.

– Да, мадам. Иду.

Тама облегчается в стакан, затем «приправляет» чай, хорошо размешав жидкость, прежде чем положить туда заменитель сахара. Несет напиток в спальню Сефаны и ставит на прикроватный столик.

– Долго же ты чай готовишь, рохля!

– Простите, мадам.

* * *

От ворса ковра горят колени. Тама чистит каждый квадратный сантиметр, постоянно отирая пот со лба. Она медленно распрямляется и смотрит в окно. На улице ветер чуть колышет ветви дерева. Тама представляет, что лежит на траве, что ее укачивает ветерок. В следующее мгновение она мечтает о том, что рядом с ней Изри. От этой мысли она краснеет.

Сильный пинок приводит ее в себя, она падает на пол. Утыкается лицом во влажный ковер.

– Размечталась тут! – лает Сефана.

Тама вновь принимается за работу под пристальным взглядом своей мучительницы.

– И это ты называешь «чистить»? – спрашивает женщина ледяным тоном.

Тама удваивает усилия.

– Ох, я вот думаю, чем я заслужила такую лентяйку! –

вздыхает мегера.

– Прошу прощения, мадам. Ваш чай, по крайней мере, был хорошим?

– Нет! Вкус какой-то странный!

Еще бы...

– В следующий раз лучше приготовлю, – говорит Тама, улыбаясь в душе.

* * *

Держа перед собой гору полотенец, Тама заходит в ванную комнату девочек. Там она оставляет часть своей ноши и идет в соседнюю комнату. Где натывается на совершенно голого Шарандона, который, по всей видимости, собирается принять душ.

– Извините, месье! – бормочет она, делая шаг назад.

Шарандон отрезает ей путь, прижимая к стенке.

– Что это ты так покраснела? – издевается он.

– Прошу прощения, дверь была открыта и...

Он прижимается к ней, Тама задерживает дыхание. Потом резко отталкивает его и выбегает в коридор. Она слышит его хохот и спасается у себя в постирочной. Она снова дрожит. Срывает с себя всю одежду и трет полотенцем кожу, пока та не становится ярко-красной.

Грязь. Она чувствует себя такой грязной.

Габриэль дождался, пока улочка опустела, и осторожно толкнул стеклянную дверь, которую мадам Ленуар не подумала запереть.

Некоторые ошибки могут стать фатальными.

Она вышла из подсобки и столкнулась с Габриэлем нос к носу.

– Мы открываемся через полчаса, месье, – раздраженно бросила она.

– Я знаю, – ответил Габриэль.

Когда он вытащил из кармана нож, Валери Ленуар выронила обувную коробку, которую держала в руках.

– В подсобку, – приказал он.

– Но...

– Быстро.

Она попятилась в прилегающую к торговому залу комнатку, не отводя от мужчины взгляда.

– Что вам нужно?

Быстрым движением Габриэль закрыл дверь, чтобы их не слышали с улицы.

– В кассе денег особо нет, – пролепетала его жертва дрожащим голосом. – Но забирайте все, что есть!

– Я пришел жизнь твою забрать. Потому что ты не достойна ее.

Он бросился на женщину, прижал к стене и затакнутой в перчатку рукой сдавил ей шею. Приставил лезвие ножа к горлу мадам Лемуар, и та сразу перестала дергаться. Несколько секунд он пристально смотрел своей жертве в глаза. Под рукой он чувствовал, как в грудной клетке у несчастной бешено прыгало сердце, и это доставило ему секундное удовольствие.

Мадам Лемуар попыталась крикнуть, но крик перешел в жалкий хрип.

Габриэль шепнул ей на ухо несколько слов. Валери изменилась в лице, как будто увидела призрака. Она сделала попытку заговорить, но он лишь крепче стиснул ей горло, не давая словам вырваться на волю.

Медленно, не отводя взгляда, он провел ей лезвием ножа между грудей. Затем воткнул нож в печень. Валери сползла по стенке и опустилась на колени. Тогда он нагнулся, схватил ее за волосы, чтобы откинуть голову назад.

И четким движением перерезал ей горло.

Когда он разжал руку, женщина упала лицом вниз. Она была еще жива, но это было делом нескольких секунд. Или минут, если ей не повезет.

Он вышел из подсобки, открыл кассовый аппарат и забрал лежавшие в нем деньги. Потом остановился перед парой обуви. Лане она бы понравилась, он был в этом уверен. Абсолютно в ее вкусе. Он выбрал коробку с 38-м размером и вышел через боковую дверь, тщательно прикрыв ее за собой.

Ему потребовалось пять минут, чтобы дойти до близлежащего метро. Через полчаса он будет в своей машине. Ему хотелось поскорее вернуться домой. Поскорее вновь увидеть незнакомку.

* * *

Свет был другим. Значит, она давно не открывала глаза. Она уже рефлекторно дернула закованной в наручники рукой. Другой – дотронулась до лица. Кожа у нее горела, и она поморщилась от боли. Лицо было как будто ободрано. Она насчитала несколько ран, попыталась вспомнить, почему она так покалечена.

Но она даже не помнила, кто она. Как же вспомнить, что она пережила?

Она закрыла глаза и будто плашмя упала на скованную льдом гладь озера. Лед под ней треснул, и она медленно погрузилась в холод и небытие.

* * *

Машин было мало, людей тоже. Казалось, дорогу проложили только для него одного. Перед глазами стояла Валери Ленуар. Он никогда не забудет ее взгляда.

Как и взгляда всех его жертв.

Он поместит этот взгляд в один из ящичков в мозгу, и тот появится как-нибудь ночью в одном из его кошмаров. И при этом Габриэль не испытывал ни угрызений совести, ни сожаления.

Только чувство выполненного долга.

Он остановил машину на небольшой площадке на обочине. Углубился в лесную чащу и подошел к окруженному мощной решеткой заброшенному колодцу. Кинул в него нож, и тот резко пошел ко дну, в глубь земли.

Одна жертва – одно оружие. Таковы правила.

Вадим подросток. Шрамы у него не такие уж и страшные, и он все лучше и лучше говорит. В сентябре он пошел в детский сад. Ничему особенному его там не учат, но он поет, веселится и рисует. Кстати, позавчера он вернулся с рисунком. Люди, целая толпа людей рядом с домом. Он нарисовал двух взрослых, двух маленьких девочек и двух мальчиков. И еще одну девочку – в доме. Думаю, он нарисовал меня. Я единственная не улыбалась, но зато была нарисована лучше всех.

Когда мать увидела рисунок, то нахмурилась. Она сказала Вадиму, что меня нельзя рисовать и разговаривать со мной тоже нельзя. Она зря тратит время, потому что он слишком маленький, чтобы это понять!

Четыре месяца назад мне исполнилось одиннадцать лет. Меня заставили надеть красивое платье и улыбнуться на камеру. Потом Сефана потребовала, чтобы я постирала платье и отдала его Адине.

Я здесь уже три года и четыре месяца.

Я не выходила на улицу тысячу двести восемнадцать дней.

Я три года не видела ни отца, ни тетю.

Мне кажется, для наказания это слишком долгий срок.

Я прочитала все книги девочек. И мне даже удалось незаметно взять еще одну книжку из гостиной. Эта книга, наверное, для взрослых. Но мне она ужасно нравится. Автора зовут Анри Труайя, а называется книга «Тетрадь». Это история Клима, слуги, и Виссариона, его молодого хозяина. Они выросли вместе, но Клим – собственность Виссариона.

Действие происходит в давние времена, в далекой стране. Но могло бы происходить и сейчас, во Франции... Доказательство того, что в жизни ничего особо не меняется.

Этот роман меня интересует, заставляет задуматься.

Кажется, Клим счастлив быть в тени своего хозяина, быть его рабом, это состояние дает ему чувство безопасности, ему не нужно делать выбор и принимать решения. Хозяин любит властвовать над ним и относится к нему действительно как к рабу. Но чувствуется, что Клим нужен Виссариону, ему нужно присутствие Клима, его советы, его одобрение.

Читаешь и спрашиваешь себя, а не становится ли хозяин рабом своего слуги.

Кто кому, в конце концов, больше нужен – Сефана мне или я Сефане?

Без нее я бы оказалась на улице, в чужой стране, без документов. Если бы я не жила в стенах этого дома, я оказалась бы в тюрьме и опозорила свою семью, как она мне часто повторяла.

Но что бы Сефана делала без меня? Ответ прост. До ужаса прост. Она нашла бы другую служанку, а я бы никогда не

нашла другую семью, которая бы меня взяла к себе. Несправедливо, но так оно и есть. Атэк стал узником, его заперли в клетке. Но со мной было по-другому – меня попросил приехать сюда, во Францию, отец.

Так что я должна бороться. Я не должна его расстраивать.

* * *

Вчера была суббота, и Фадила с гордостью сообщила родителям, что ей поставили восемнадцать из двадцати баллов по математике. Они ее поздравили, и Шарандон в качестве вознаграждения дал ей денежную купюру.

– Ты хорошо поработала, дочка. А всякая работа должна оплачиваться.

Эта фраза не выходит у меня из головы. Я считаю, что мне тоже должны платить. Я, конечно, не знала бы, что делать с деньгами. Раз я не могу выходить из дома, то куда же их тратить. Но я могла бы их откладывать, чтобы однажды, когда меня освободят, купить на них что-нибудь. Одежду по размеру, например. Обувь, как у Фадилы, книги, шампунь получше, клетку для Атэка побольше. Или даже билет на самолет домой.

Да, в конечном итоге деньги мне не помешали бы.

Однажды, когда меня освободят.

Тама стоит у дивана, на котором сидят супруги Шарандон. Они смотрят передачу. Что-то, по-видимому, смешное. Люди по собственной воле не выходят из дома.

Это совершенно непонятно.

– Чего тебе? – бормочет Сефана.

– Поговорить, – отвечает Тама, держа руки за спиной.

– О чем?

– Я думаю, что вы должны мне платить.

Шарандон таращит глаза, а у Сефаны рот открывается так, как будто ей не хватает воздуха.

– «Платить»?! – повторяет Сефана. – А еще тебе чего?

Тама пристально смотрит на Шарандонов.

– На днях вы сказали Фадиле, что «всякая работа должна оплачиваться», и дали ей денег. Я ведь тоже работаю, значит вы и мне должны платить.

– Ушам своим не верю! – восклицает Сефана. – Ты это тоже слышишь, дорогой?

– Слышу, слышу...

– Ты благодаря нам и так тут спишь и ешь, так тебе еще и платить надо!

Тама переминается с ноги на ногу.

– Я сплю на полу и питаюсь объедками, – напоминает она.

– Ты чего ищешь? – спрашивает Шарандон. – Неприятно-

стей?

– Нет, месье. Я просто хочу получать то, что заслуживаю.

– Неужели?

Он резко вскакивает и дает ей пощечину, от которой у девочки трещит шея. Но Тама по-прежнему стоит на ногах.

– Вот чего ты заслуживаешь, – бросает Шарандон. – А теперь убирайся.

* * *

Я спрашиваю себя, существуют ли где-нибудь такие же «Тамы».

Без сомнения.

Спят ли они, как и я, в постирочной? Или в коридоре, в гараже, в кладовке? Есть ли у них куклы, чтобы они не чувствовали себя одиноко? Есть ли у них право выходить на улицу?

Так же ли их бьют по лицу? Так же ли весь день обзывают?

Мне бы хотелось это узнать. Хотелось бы встретить их и поговорить.

На прошлой неделе девочки смотрели телевизор. Я была в кухне, натирала серебряные приборы. Я внимательно прислушивалась, шла передача о рабстве. В ней рассказывали, как к черным относились на протяжении веков. Из этой передачи я узнала, что рабство упразднили в 1848 году.

Я поискала в словаре Эмильена определение слова

«упразднили». Оно значит «отменить что-либо».

Выходит, рабства больше не существует. Оно запрещено во всем мире.

Это хорошая новость, но надо, чтобы появились люди, которые проверили бы, не осталось ли рабов в постирочных.

Жаль, что никто не подумал об этом, когда «упразднили» рабство.

Теперь у Фадилы новый парень. Ее родителям он не очень по душе. Это ее одноклассник. Иногда я вижу, что он ждет Фадилу у калитки. Он не очень красивый, но, кажется, ей он нравится, раз она так его целует. Наверное, она не очень требовательна.

Конечно, в дом она его не приглашает. Может быть, боится, что он меня увидит и начнет задавать вопросы.

Это проблема, когда в доме есть рабыня... Так что от рабов не только польза.

Вадим продолжает для меня рисовать. Я повесила несколько рисунков на стену в постирочной, но Сефана их сорвала и выбросила в помойное ведро. Так что теперь, когда он дает мне какой-нибудь свой рисунок, я прячу его в коробку, а вечером вытаскиваю и разглядываю. Мне кажется, что для своих лет он талантлив. На последнем рисунке, который он мне подарил, нарисована девочка, это, наверное, я, а еще маленький мальчик, они вместе идут по полю и дер-

жаться за руки.

Я расплакалась, сама не знаю почему.

Иногда я рассказываю Вадиму о своей родине. О детстве, о матери, а потом об Афак. В то время я не подозревала, что счастлива. Мне казалось, что тетя слишком строга ко мне. Сейчас, когда я думаю о ней, то говорю себе, что она была просто справедливой и честной со мной. Она делала все для того, чтобы я могла ходить в школу, чтобы училась новому, и она наказывала меня, только если я того заслуживала.

И тогда я жалею, что больше не вижу ее. И надеюсь, что у нее все хорошо и что она иногда вспоминает обо мне.

Габриэль припарковался у дома и вышел из машины. Ночь почти наступила, и луна уже освещала Севенны нежным светом.

Он начал с того, что задал корму и воды лошадям, потом остановился и погладил Софокла, который всегда с радостью выбегал ему навстречу.

С радостью, несмотря на то, что из себя представляет его хозяин.

Они вместе вошли в дом, и Габриэль сразу направился в дальнюю комнату. Он аккуратно открыл дверь и ступил в темное пространство, а затем подошел к кровати.

Он зажег настольную лампу и убедился, что «его» незнакомка по-прежнему жива. Это должно было бы его расстроить, но, наоборот, согрело ему сердце, напомнив, что сердце у него есть.

Он сел в кресло и стал смотреть на нее.

На полу валялась пустая бутылка. Значит, она просыпалась. И нашла в себе силы утолить жажду...

Она выживет.

И он должен будет ее убить.

Габриэль резко проснулся.

На секунду ему показалось, что на кровати лежит Лана. Затем он понял, что там спит его незнакомка. Забывшаяся тяжелым сном. Может быть, от боли. Вероятно, от плохих воспоминаний.

Габриэлю тоже снился кошмарный сон. Он в сотый раз увидел Лану, лежащую на металлическом столе и покрытую белой простыней.

В сотый раз он увидел мужчину в халате, который приподнимает эту простыню.

Лана. С застывшим в судороге лицом. С оскверненным телом.

В сотый раз он оставил ее в руках мужчины, который собирался провести вскрытие. Еще раз ее осквернить.

В сотый раз Габриэль закричал и упал на колени. Он снова почувствовал это потрясение, это ужасное потрясение. Эту боль, адскую боль.

Он потерял ту, что любил больше всего в мире. Больше себя самого, больше жизни.

Он не смог спасти ее. Не смог помешать ее смерти. Он приговорил себя к вечным страданиям.

Он был в этом уверен, уверен в том, что унесет это страдание с собой в могилу. Что будет вечно скитаться в темно-

те, выкрикивая ее имя.

Незнакомка начала стонать и даже плакать. Габриэль наклонился и взял ее за руку. Она успокоилась, и каждый вернулся в свое прежнее состояние.

В свой персональный ад.

– Почему эта дурацкая птица не поет? – шипит Сефана.

Она трясет клетку, Атэк нервничает.

– К тому же у него перья выпадают... Ты его вообще нормально кормишь?

– Да, мадам, – отвечает Тама.

– Вот невезуха! – вздыхает Сефана. – Пойду попить кофе к соседке. А ты доубирай кухню и не балуй, ясно?

– Конечно, мадам.

Сефана надевает пальто и выходит из дома, запирая за собой дверь. Тама подходит к клетке, чтобы осмотреть Атэка. Нет, перьев он не теряет. Он просто со вчерашнего дня вырывает их одно за другим.

– Хватит, – шепчет она. – Заболеешь...

Птица продолжает яростно себя клевать. Тама старается отвлечь Атэка, дает ему корм, но ничего не помогает.

Она редко остается одна. Так что Тама решает перейти к действию. Атэк должен летать, иначе он окончательно сойдет с ума. Она открывает дверцу, но Атэк не двигается с места. Сидит на жердочке и вертит головой.

– Давай же, – подбадривает его Тама. – Давай, не бойся. Вспомни, ты же раньше умел летать...

Она просовывает свою ручку в золотую тюрьму, чтобы поймать птицу. Осторожно гладит, пытаясь ободрить. Когда

девочка убирает руку, Атэк взлетает.

– Давай, пользуйся моментом! – со смехом говорит она.

Он облетает кухню, потом летит в гостиную. Тама идет за ним, смотрит, как щегол летает под потолком. Вдруг она понимает, что ей будет трудно его поймать и посадить обратно в клетку. Хотя это не так уж страшно. Она скажет Сефане, что он вылетел, когда она его кормила, а дети помогут ей поймать птицу. Но он, по крайней мере, сможет расправить свои крылышки и немного полетать.

Атэк летит по коридору и залетает в родительскую комнату. Тама спешит за ним и когда подбегает к двери, то видит, что Атэк летит прямо к закрытому окну. Он ударяется о стекло и падает с глухим стуком на ковер.

– Нет!

Тама секунду не может пошевелиться. Затем подходит к Атэку и осторожно берет его на руки. Может быть, он всего лишь оглушен? Она замечает на стекле крохотное пятно крови и тщательно оттирает его рукавом. Возвращается в кухню, держа Атэка на ладони.

– Давай же, дыши! – умоляет она. – Не умирай...

Она долго-долго ждет, но смиряется с неизбежным.

Атэк умер. Это она его убила.

Тогда Тама кладет его на солому и закрывает клетку.

Вечером она соврала, что птица сама умерла, упав с жердочки. Сефана, конечно же, сочла, что во всем так или иначе

виновата Тама. Она дала ей пару пощечин и лишила на три дня пищи.

Тама подумала, что она и правда заслужила это наказание. Ночью она долго плакала.

Атэк хотел добраться до неба, до *своего* неба. Он хотел опять стать свободным.

И умер.

* * *

Рождественские каникулы закончились. Я удивилась, что в этом году мне снова что-то подарили. Шоколадку с орешками, сушеные финики и новую блузку. В этом году она нежно-зеленого цвета, в синих бабочках. Ничего другого из одежды мне не нужно, потому что Сефана отдает мне старые вещи Фадила или Адины. Дырявые носки, я их штопаю, когда нахожу минутку, трусики со слабо держащейся резинкой, футболки, которые им уже не хочется носить. Что касается обуви, Сефана покупает мне пластиковые шлепанцы и запрещает носить что-нибудь другое.

А у Фадила новый мобильник, флакон духов и куча новой одежды. Адине подарили обувь и платья. Вадиму – с десяток игрушек, и Эмильену тоже.

Они были очень довольны, и их радость была заразной.

В сочельник я приготовила им хороший ужин и получи-

ла разрешение съесть сладкое. В этом году рождественское полено было с засахаренными каштанами, мне оно понравилось меньше, чем прошлогоднее. Но я оценила тот факт, что они думают обо мне, и охотно его съела.

* * *

Шарандон возвращается около шести вечера, намного раньше, чем обычно. Эмильен и девочки сидят перед телевизором. Он целует детей, потом идет в кухню, где Тама готовит ужин.

– Жена где? – ворчит он.

– Добрый вечер, месье. Она повела Вадима к врачу... У него, мне кажется, бронхит. И еще она должна была пойти в магазин.

Он возвращается в гостиную и падает в кресло.

– Тама! – орет он.

Она все бросает и бежит в комнату:

– Да?

– Пивка принеси.

Тама открывает холодильник, берет баночку пива и несет ее Шарандону.

– Ботыними с меня, – требует он.

Он уже некоторое время, почти каждый вечер, заставляет ее это делать. Тама опускается на колени на ковер перед Шарандоном и расшнуровывает его ботинки.

– Мог бы и сам справиться! – с издевкой говорит Эмильен.

– Ты что лезешь? – отвечает его отец. – Ты уроки хоть сделал?

Мальчик опускает голову, Шарандон взмахивает рукой, отправляя его к себе в комнату.

– А вы, девочки?

– Идем, – вздыхает Адина.

Девчонки тоже исчезают, а Тама ставит ботинки в шкаф при входе.

– Иди сюда, – говорит Шарандон.

Тама встает перед ним, у нее сжимается сердце. Она готовится к самому худшему.

– У меня ноги болят.

Она понимает, что от нее требуется, и снова встает на колени. Она долго массирует ему ступни, пока тот бесстыдно ее разглядывает.

Наконец слышно, как Сефана загоняет машину в гараж. Вадим с матерью заходят в дом, ребенок бросается на шею к отцу.

– Ну что, паренек, заболел, говорят?

– Доктор сказал, что ничего такого!

– И хорошо!

– А что это Тама делает?

– Работает, милый!

Сефана встает перед мужем, хмурится, она в ярости. Затем обращается к Таме.

– Что стоишь? Иди багажник разгружай, – мрачно бросает она девочке.

– Потом разгрузит! – отвечает Шарандон.

Тама переводит взгляд с одного на другого, не зная, кого слушаться. Сефана поднимает руку:

– К машине, быстро.

– Да, мадам.

– Зануда ты! – орет муж. – Только она пригодилась, и на тебе...

Тама быстро спускается в гараж. Три раза ходит туда-обратно за огромными пакетами, пока Сефана сидит на диване.

– И не забудь набрать ванну для Вадима! – кричит она.

– Секундочку, мадам.

Пакеты, ужин, ванна Вадиму... Она не знает, за что хвататься.

Но для Тамы это обычный вечер.

Вечером, когда уже все легли спать, я пишу письмо. Письмо тете Афак. Она не умеет читать по-французски, но один из ее сыновей переведет ей мои слова, я в этом уверена. Я ей говорю, что, если она может, пусть приедет за мной. Я объясняю ей, что Межда и Сефана солгали моему отцу, что Шарандоны плохо заботятся обо мне и о моем образовании. Я не признаюсь ей в том, что они бьют меня ремнем, потому что думаю, что тете будет тяжело это слышать. Но я все же пишу о том, что вела себя хорошо и что из школы меня вовсе не выгнали, ведь я в нее даже не ходила.

Когда я заканчиваю писать письмо, то кладу его в конверт и наклеиваю специальную марку для Марокко, которую я нашла в ящике стола. Иногда Сефана пишет своим родителям. Повезло! Я прекрасно помню тетин адрес, но самое сложное в другом – как отправить ей это письмо?

У меня есть идея, но не знаю, насколько это сработает, – дам письмо Вадиму и скажу, что это наша тайна, что матери ничего нельзя рассказывать. И попрошу передать письмо учительнице, чтобы та сходила и отнесла его на почту.

Да, так завтра и сделаю.

А потом буду ждать.

Буду ждать каждый день.

Наконец-то буду чего-то ждать.

Учительница Вадима письмо взяла. Но вместо того, чтобы его отослать, эта идиотка после уроков отдала его Сефана, даже не соизволив прочитать.

А вот Сефана прочитала.

Когда она вернулась домой, то швырнула письмо мне в лицо, а потом подняла и убрала в карман брюк. И заявила, что, когда вернется муж, я за все отвечу.

«За все отвечу»... Я не очень понимаю, что это значит.

Вадим начал плакать, я приготовила ему полдник и сказала, чтобы он не волновался. Что ничего страшного не случилось. Я ему улыбнулась, хотя мне тоже хотелось плакать. Я целую ночь писала это письмо. И с утра у меня в сердце снова затеплилась надежда.

Наконец-то затеплилась.

И это длилось всего один день.

После полдника я помогаю Вадиму помыться, а потом иду в кухню, чтобы закончить приготовление ужина.

Шарандон возвращается почти в восемь вечера. Сефана тотчас же показывает ему письмо, говоря, что я воспользовалась их дорогим сыном, чтобы письмо отправили моей тете. Она говорит ему, что, к счастью, учительница письмо не вскрыла. А я-то думала, что преподаватели все умные...

Я в кухне, жду, когда Шарандон покажет мне, как это —

«ответить за все». Я не знаю, что он мне готовит. Ремень или кулак. Может, что-то похуже. Но, в конце концов, я, кроме правды, в письме ничего не писала.

Шарандон зовет меня из гостиной. Я слушаюсь и бросаю кастрюли. В любом случае, если я туда не пойду, он сам за мной придет. Дети сидят по своим комнатам, так что он может дать волю гневу.

– Это что такое? – спрашивает он, тряся листом бумаги.

– Письмо. Тете.

– И с каких это пор ты умеешь писать?

Сефана хмурится.

– И то верно! – бросает она. – Ты как писать научилась?

Я осмеливаюсь улыбнуться, и это им не нравится. Этой дуре такое даже в голову не пришло!

– Уж точно не в школе, – отвечаю я.

И задыхаюсь от первой пощечины.

– Сама научилась, – говорю я с вызовом.

Я вижу, как Шарандон стискивает зубы.

– Вот как ты нас благодаришь? – корит меня Сефана. – Тебя из нищеты вытащили, занимаются тобой, а ты своим всякие гадости о нас пишешь?

Я знаю, что, если отвечу, они еще больше рассердятся. Но так хочется, что страх отступает. По крайней мере, сейчас.

– За что мне вас благодарить? А еще могу напомнить, что рабство отменили в 1848 году. То есть давным-давно.

Тут я им рот точно заткнула. Они переглядываются, по-

том смотрят *на меня*.

– Маленькая зараза, – шепчет Шарандон. – Я смотрю, до тебя еще не дошло, так?

– Что не дошло, месье?

– Кто тут главный...

Он хватает меня за руку и куда-то тащит. Открывает ведущую в гараж дверь, и мы спускаемся на несколько ступенек. От запаха бензина меня начинает подташнивать. Сефана закрывает дверь. Шарандон кладет мою правую руку на верстак и просит жену меня поддержать.

– Ну как тебе? – бросает он с ужасной улыбкой.

Я пытаюсь вырвать руку, но Сефана не дает мне пошевеливаться. Когда я вижу, что Шарандон взял молоток, то на секунду закрываю глаза. Я их открываю, когда он наносит первый удар. Со всех сил.

Боль такая страшная, что на мгновение мое сердце перестает биться, а потом начинает колотиться как бешеное.

Сефана меня отпускает, я сгибаюсь пополам, меня рвет. Дышать не получается. Шарандон снова кладет мою руку на верстак, берет огромный гвоздь и с яростью вбивает его в ладонь несколькими ударами молотка.

– Можешь попрощаться с письмом! А если еще раз попробуешь кого-нибудь предупредить, я тебе и вторую руку покалечу! Поняла, дрянь?

Они уходят, и я слышу, как в замке поворачивается ключ, хотя голова ужасно гудит. Я со страхом понимаю, что прове-

ду ночь прибитой к верстаку.

Тогда я падаю на колени. Я не хочу двигаться, чтобы не стало еще больнее, хотя куда уж больнее, но желудок снова скручивает, и меня опять рвет.

Мама, зачем ты меня родила, неужели для такой жизни? Нет, я не могу понять, за что я «отвечаю».

* * *

Когда Шарандон возвращается в гараж, уже почти полночь. Тама лежит лицом на верстаке, рядом с прибитой гвоздем рукой. Ее спина сгорблена, она не двигается.

– Вопросы остались?

– Нет, месье. Помогите мне, пожалуйста...

Он включает свет и приближается, в руках у него плоскогубцы. С их помощью он захватывает шляпку гвоздя. Тама стискивает зубы. Он резко дергает гвоздь, освобождая Таму от невыразимой боли. Она падает, прижимая руку к животу. Во рту металлический привкус. Она прикусила себе до крови язык.

– Пошевеливайся... Живее, а то на ночь тут останешься!

Тама поднимается и идет за ним. В кухне их ждет Сефана, с ватой и бутылкой спирта. Шарандон сажает Таму на стул, и та кладет на стол то, что осталось от ее руки. Сефана старается не смотреть на изувеченную руку девочки, ей не по

себе. Она льет немного спирта на открытую рану, и из глаз Тамы брызгают слезы. Но она не издает ни звука.

Затем Сефана клеит с двух сторон пластырь. Как будто хочет спрятать проходящую сквозь ладонь дыру. Может быть, чтобы больше не видеть следов варварства, на которое оказался способен ее милый муж.

– Завтра посмотрим, – говорит она. – Пусть продезинфицируется.

Тама мелкими глотками пьет воду из-под крана в кухне. Потом идет в постирочную и падает на свое убогое ложе.левой рукой тянется за Батуль и кладет рядом с собой.

– Ты на меня не сердись. – Ее шепот прерывается рыданиями. – Но завтра я ухожу. А тебя с собой взять не смогу... Куда я ухожу? Не догадываешься?.. К маме. Вот куда.

В окне забрезжил рассвет. Габриэль провел ночь, наблюдая за тем, как она борется. Он почти не спал, поглощенный этим занятием, может, заснул на час или два.

У незнакомки еще держалась температура, но она казалась более спокойной. Она все еще была без сил и находилась в покоем на кому сне, но уже становилось ясно, что скоро она вернется в ряды живых.

Выживет.

Габриэль пошел в ванную, переоделся. Затем приготовил себе крепкого кофе, выпил его на террасе, несмотря на холод.

Потом вернулся к незнакомке и обтер ее тело влажным полотенцем. Нужно, чтобы перед великим путешествием она была чистой. Перед путешествием, из которого еще никто не возвращался.

Он надел теплую куртку и бросил в багажник лопату. Шел снег, но не такой сильный, чтобы помешать его планам. Он сел за руль и поехал по широкой тропе за хутором, которая затем углублялась в дремучий лес. Десять минут спустя он заглушил машину там, где тропа превращалась в настоящую дорогу. Он вытащил лопату, прошагал с километр по лесу и оказался на небольшой поляне. Именно там он начал рыть могилу для незнакомки.

Пришло время заканчивать работу.

Время для того, чтобы все вернулось на круги своя. Чтобы он снова обрел свое любимое одиночество и свои проклятые кошмары.

Время снова страдать в одиночку.

Она несколько раз поморгала, затем смогла открыть глаза. Она долго смотрела на потолок, прежде чем ей удалось повернуть шею.

Она находилась в большой и светлой комнате.

Она по-прежнему была прикована за запястье к кровати, а на столике стояла новая бутылка воды. Она преодолела боль и чуть приподнялась, потом дотянулась до бутылки и медленно ее выпила. Каждый глоток утолял ее жажду и постепенно возвращал к жизни. Она вновь опустила голову на подушку, но глаза не закрыла.

Где она? Кто она? Как ее зовут?

Почему она ничего не помнит?

Мысли ее спутались, перед глазами появилась серая дымка.

Она снова погрузилась в темноту, не зная, увидит ли белый свет еще раз.

Именно так убили их Бога.

Я прочитала об этом в книге, которую взяла у Фадилы. Ему тоже вбили гвозди. В руки и ноги. Наверное, я одна из тех немногих, кто на себе испытал Его страдания.

Не знаю, читал ли Шарандон Библию, откуда ли он почерпнул вдохновение. Или же ему хватило собственного дьявольского воображения.

Спустя несколько дней мне приснилось, что я его убиваю. Мне впервые снилось, что я кого-то убиваю. Мне кажется, что из-за них я меняюсь. Становлюсь плохой. Если бы мама могла вернуться, то не узнала бы меня. И от этого мне страшно...

В конце концов я не ушла за ней в страну мертвых. Батуль сказала, что я еще слишком молода, что я должна держаться. Надо держаться. И я все-таки отсюда выберусь. Сказала, что я должна сопротивляться, потому что мама бы этого хотела. Потому что тетя бы этого хотела. И настоящая Батуль – тоже.

Так что я осталась. В мире, которому я не нужна. И я не знаю, храбрость это или совсем наоборот. В книгах, которые я читала, ответа на этот вопрос не нашлось. Как, впрочем, и на другие вопросы.

Каждое утро я дезинфицирую рану с помощью средства, которое дала мне Сефана. Оно пахнет хлоркой, розовое и

не щиплет. Потом я накладываю бинт. Сефана дала мне несколько бинтов, чтобы я могла их менять каждый день. У меня сломано два пальца. Я это знаю, потому что они ужасно болят, распухли и почернели. Я не могу ими пошевелить и не знаю, смогу ли.

Сефана сказала, что я сама виновата в том, что со мной произошло. Но мне не показалось, что она верит в свои собственные слова.

Когда Вадим спросил, как я поранилась, я соврала, что прищемила руку дверью. Фадила стояла рядом с нами и опустила глаза, а потом вышла из комнаты. Если бы у меня был такой отец, мне было бы, наверное, стыдно. И я бы тоже опустила глаза.

На следующий день Вадим подарил мне рисунок. На нем были изображены два человека. Девочка с темными волосами и мужчина, намного выше ее ростом. Девочка лежала на полу, у нее на платье было большое пятно крови. Вадим нарисовал ей слезы на лице. Мужчина стоял рядом с ней и держал в руках палку.

Когда я спросила, что это за человек, Вадим ответил, что это Дьявол.

После истории с письмом Шарандон с женой осмотрели постирочную. Они опустошили мою коробку и обнаружили Батуль. Они обвинили меня в краже, но я им объяснила, что вытащила ее из мусорного ведра. Фадила подтвердила, что

выбросила куклу, и они ее мне оставили. Еще они нашли цветной карандаш и несколько исписанных листков, которые забрали. Они так глупы, что даже не подумали посмотреть за стиральной машиной или за сушилкой. Так что у меня все еще есть тетради, ручки и книги. Но сейчас у меня нет сил учиться.

Может быть, позже.

Может быть, никогда.

Через два месяца мне исполнится двенадцать лет.

Отец один раз позвонил. Сефана сказала ему, что я украла у них деньги и сбежала. Что меня ищет полиция и что они надеются, что найдет, и что как бы со мной чего-нибудь не случилось. Что она ему скажет, если появятся какие-нибудь новости.

Я хотела закричать, но Шарандон закрыл мне рот своей ручищей.

Тогда я просто заплакала. И плакала несколько часов. Что же отец думает обо мне. Что сказал обо мне братьям, жене и тете.

Представляю, как он волнуется.

Никогда мне не вернуться домой, никогда не увидеть родных.

Через два месяца будет четыре года, как я здесь. В логове самого Дьявола.

Я не видела его по крайней мере год.

Изри изменился, стал еще красивее. Возмужал. Ничего удивительного, ведь ему исполнилось уже восемнадцать. Он высокий, мускулистый, но его лицо по-прежнему сохранило детское выражение.

Он зашел с матерью, остался совсем ненадолго. Но не пожалел нескольких минут и зашел поцеловать меня в щеку. Он спросил, как дела, и увидел, что у меня перевязана рука. Я сказала ему, что со мной так поступил Дьявол. Он нахмурился и ответил, что Дьявола не существует. Тогда я прошептала, что Он живет здесь.

Прежде чем уйти, Изри пообещал мне, что однажды я покину этот дом. Сердце у меня забилося. И думаю, я улыбалась.

Три месяца назад, в мае, мне исполнилось двенадцать лет. Сефана сказала, что фотографироваться не надо. Что моему отцу «уже совершенно наплевать» на меня.

Я снова стала воровать книги. Вернее, брать их на время с полки. Теперь я читаю книги Сефаны и ее мужа. К счастью для меня, у них много романов. Интересно почему, ведь я ни разу не видела их за чтением. Быть может, книги нужны

им для красоты, а может, чтобы показать, что они якобы образованные. В общем, не важно.

Иногда мне попадаются захватывающие истории. Иногда они меня смущают, иногда они скучные. Тогда я ставлю книгу на место и беру другую. Это единственная возможность сбежать из постирочной, из этого дома, из моей жизни.

Книги заставляют работать воображение, и я придумываю еще больше историй. Шарандоны считают, что я в кухне или глажу. А на самом деле я далеко. Я выхожу из тела и улетаю, как птица, в далекие страны. Туда, где жизнь – чудесна, мир – лучше, где маленькие девочки спят не у стиральных машин, а в объятиях более или менее прекрасных принцев. Принцев, у которых часто лицо и улыбка Изри.

Вчера вечером, пока дети спали, а я была в постирочной, я услышала, что Сефана с мужем ссорятся. Она обвиняла его в том, что он встречается с другой. Меня бы это не удивило, сволочь он! Он ответил, что у нее есть все, что только может пожелать женщина, и что ей нечего жаловаться. Сефана стояла на своем, и тогда он ее ударил и приказал заткнуться. Сефана спряталась в кухне и долго плакала.

Сефана столько врала моему отцу, что, наверное, сейчас я должна была бы испытать чувство радости. Но мне стало ее жаль. Даже не знаю почему. Может, потому, что теперь Шарандоны стали моей единственной семьей. Или потому, что у меня больше нет мамы, а Сефана могла бы быть мне

мамой.

Тогда я вышла из постирочной, чтобы согреть воды. Я приготовила Сефана чаю с мятой и села рядом с ней. Она отерла слезы и посмотрела на меня, ничего не говоря. У нее на лице остались следы ударов, как у меня, когда ее муж меня бьет. Я думаю, что ей стало неприятно, что я увидела ее в таком состоянии. Она медленно выпила свой чай. Потом поднялась и впервые за все время пожелала мне спокойной ночи.

* * *

Тама сидит в гостиной за швейной машинкой. Она должна подшить новые брюки для Эмильена и Адины. Сефана и Фадила валяются на диване. Обе уставились в свои смартфоны, не разговаривают и не смотрят друг на друга. Тама думает, что если бы только она могла посидеть рядом со своей мамой, то не отрываясь смотрела бы на нее, часами бы с ней говорила. Делилась бы с ней своими маленькими тайнами, обнимала бы.

Но Фадила еще не знает, что такое не иметь мамы. Таме же известна эта боль, она выжжена в ней каленым железом.

Тама поглядывает на них. Мать и дочь могут часами сидеть в своих телефонах и вообще с ними не расставаться. Да и Адина и Шарандон тоже.

Тогда Тама понимает, что есть тысячи вариантов рабства.

Вчера вечером в постирочную пришел Вадим и принес мне кусок хлеба с сыром. Пока я ела, он присел на матрас. Было поздно, и я спросила у него, почему он еще не спит. Он проснулся из-за кошмара.

Ему приснилось, что я умираю с голоду.

Он хотел спать со мной, но я сказала ему идти к себе в комнату, пока его не нашли родители и не рассердились. Тогда он ушел, но сначала поцеловал меня в щеку.

Должна признаться, что спала я хорошо. С едой в желудке и с радостью в сердце.

Утром, убирая комнату девочек, под кроватью у Фадилы я нашла маленький блокнот. Я знаю, что не следовало так делать, но я его полистала и поняла, что это ее дневник. Я присела на кровать, чтобы немного почитать. И прочитала, что Фадила спит со своим парнем. И покраснела.

Она такая юная, но главное, они не женаты! На родине ее родня за такое выставила бы ее на улицу! Она бы всех своих опозорила! А тут ей, наверное, ничего особенного не грозит, разве что родители выйдут из себя.

Я положила дневник туда, где нашла, и закончила уборку. И пока я убирала у Эмильена, я сказала себе, что буду делать, как Фадила. Как Клим из книги Труайя. Буду записывать то,

что у меня в душе, буду чернить бумагу чернилами своей жизни.

Несмотря на то что в моей жизни происходит что угодно, кроме чего-то интересного.

* * *

Вечером, пока все спят, я открываю последнюю чистую тетрадку и беру почти уже исписанную ручку. Вывожу дату, а потом задумываюсь.

С чего начать? Что сказать? И главное – *кому?*

В конце концов мне не удастся собраться с мыслями, и я бросаю начатое. Может быть, в другой раз.

Я ложусь на матрас и смотрю на Батуль, которая сидит на коробке. Теперь, раз Шарандоны ее обнаружили, ее можно не прятать. Она сидит рядом с лампой.

После того как Шарандон вбил мне в руку гвоздь, других наказаний не последовало, так, несколько пощечин.

Но пощечины – это ерунда.

Надо сказать, что я себя вела хорошо, вопросов больше не задавала, была вежливой.

Ниже травы тише воды.

А страшно все равно. Потому что я что-то в себе чувствую. Какой-то яд, он дремлет в моих жилах. То, что я чувствую по отношению к Шарандону, моя ярость, – это яд, который медленно распространяется у меня в голове, в теле. И

иногда мне ужасно хочется, чтобы этот яд выплеснулся наружу.

Я читала книгу про вулканы... Мне кажется, что у меня внутри бурлит раскаленная лава и что она при первой же возможности вырвется из меня. Кажется, что меня разорвет и что я убью всех, кто меня окружает.

Я знаю, что не должна, знаю. К тому же и Сефана в последнее время не так строга со мной. После того как я приготовила ей чаю, кажется, она начинает меня чуть-чуть любить. Самую малость, но портить и эту малость не следует.

Не сейчас...

Домой Габриэль вернулся в полдень. Снег прекратился. Когда он закончил рыть могилу своей будущей жертве, то прошелся по лесу.

Необходимая передышка перед неминуемым.

Пока он шел среди голых каштанов, а потом – черных сосен, он говорил с Ланой. После ее смерти это часто с ним случалось.

Восемь долгих лет.

Он описал ей незнакомку, теплыми словами, с улыбкой.

Габриэль взял в конюшне пластиковый мешок и принес в дом. Тщательно вымыл руки в кухне и затем просмотрел полученные мейлы.

Он не торопился к незнакомке.

Не торопился увидеть ее в последний раз.

Он выкурил сигарету и решился.

Войдя в комнату, он увидел, что она спит. Что было, в общем, и к лучшему. Она ничего не поймет или почти ничего.

Он не хотел ее уродовать, но аккуратного способа убить кого-нибудь он не знал.

А знал он их не мало.

Он взял с кресла большую подушку и приблизился к кровати. Он еще раз посмотрел на девушку. Она стала дышать

ровно и казалась отдохнувшей.

– Прости, милая. Пришло время прощаться...

Он взял подушку обеими руками и прижал к лицу незнакомки. Через несколько секунд она начала сопротивляться, и Габриэль надавил на подушку сильнее.

– Смирись, – сказал он. – Прошу тебя, смирись...

Воскресенье, семь утра. Тама встает.

По воскресеньям она может поспать подольше, потому что не нужно рано готовить завтрак. Даже Вадим еще спит.

Тама этим пользуется, чтобы помыться. Она идет в кухню и прикрывает дверь, чтобы никого не разбудить. Затем раздевается и намыливает тело. Сефана купила ей новое мыло. Не такое, как обычно; это мыло приятно пахнет и хорошо пенится. Еще Сефана отдала ей полупустой флакон одеколона, и Тама ужасно обрадовалась.

Она намыливает тело, используя банную рукавичку, потом переходит к интимной гигиене и заканчивает мытьем ног. Затем она тщательно вытирается. В этот момент она замечает, что дверь кухни приоткрыта.

В проеме стоит Шарандон, его глаза горят.

Вцепившись в полотенце, Тама застывает на месте. Сколько времени он уже так стоит? Сколько раз он уже так стоял? Каждое утро?

Он входит в кухню и, по-прежнему странно глядя на Тама, открывает холодильник и берет бутылку воды. Тама не двигается, она не способна шевельнуться перед лицом этого почти голого мужчины.

Шарандон улыбается своей отвратительной улыбкой и приближается к Таме. Та медленно отступает к постирочной,

ей удастся подхватить свою старую футболку и трусики.

– Не бойся, – шепчет Шарандон. – Не прячься...

Тама стоит спиной к двери постирочной, боясь пошевелиться от тяжелого предчувствия.

– Ты знаешь, что ты очень красивая? – добавляет он.

Тама по-прежнему держит полотенце, свое единственное спасение от этого человека. Вдруг он резко вырывает ее нелепую защиту.

– Да, очень красивая...

Еще один шаг назад. Афак часто говорила ей: если встретишь дикого зверя, двигайся как можно меньше.

Шарандон – самый опасный хищник, это точно.

– Я тебе говорил, что мы еще встретимся...

Тама продолжает медленно отступать, пока не опирается на стиральную машину. Дальше пути нет. Вдруг слышится голос. За спиной Шарандона появляется Сефана.

Еще окончательно не проснувшись, она злобно смотрит на голую Таму и на полотенце в руках своего мужа.

– Что здесь происходит?

Шарандон даже не оборачивается и отвечает:

– Пить хотел, пошел к холодильнику за водой... А тут эта шлюшка передо мной голая стоит... Представляешь?

– Тама, быстро одевайся! – приказывает Сефана.

Шарандон поворачивается к жене и смотрит ей прямо в глаза:

– Я уверен, эта девица на панели кончит.

Он выходит из кухни, пока Тама быстро натягивает одежду. Сефана идет в постирочную и зло смотрит на девочку.

– Я мылась, когда он пришел, – шепчет Тама, застегивая рубашку.

Сефана дает ей оглушительную пощечину.

– Только посмей еще раз! – кричит она. – Только посмей, ясно?

– Но...

Еще одна пощечина.

– Мой муж никогда не врет!

– Да, мадам.

* * *

Воскресенье, казалось, никогда не закончится. Мне весь день было плохо. Постоянно тошнило, как будто я что-то не то съела. Я снова чувствовала себя грязной, как если бы кто-то вытер об меня руки.

Фадила ушла гулять со своим парнем, Адина весь день играла на компьютере. Эмильен катался на улице на скейт-борде, а Вадим рисовал и собирал головоломки. Иногда по воскресеньям Шарандоны ходят с детьми в ресторан, но сегодня обстановка в доме накалена.

Пока я драила ванну, хозяева ссорились в спальне. Не кричали, боялись, думаю, что их услышат дети, так что я ничего почти и не поняла. Только – что Шарандон спрашивал у

жены, «не ищет ли она проблем». Не знаю, имело ли это отношение к тому, что произошло утром в кухне, или они о другом говорили...

В любом случае Сефана никогда не встанет на мою сторону. Я же что-то вроде мебели или домашнего животного. Я не в счет. У меня нет своего места. Исчезни я, они заменят меня другой такой же Тамой.

Я не знаю точно, чего хочет Шарандон. Знаю только, что мне надо его опасаться. К счастью для меня, я очень редко остаюсь с ним в доме наедине. Он возвращается поздно вечером, уходит рано утром. Но я думаю, что он может как-нибудь ночью проникнуть в постирочную, пока я сплю. И это меня ужасно пугает. Что тогда?

Дверь моей клетки закрывается только снаружи, внутри у меня нет задвижки. Нужно найти способ заблокировать дверь. Иначе я больше не смогу уснуть...

* * *

Стиральная машина сломалась: вышел из строя электродвигатель.

Так что Таме нужно стирать на руках. Кучу белья и даже простыни Эмильена, потому что он еще писается, несмотря на свой возраст.

Правая рука очень болит, еще не оправилась после варварской выходки Шарандона. Сефана объяснила, что маши-

ну они пока менять не будут, из чего Тама поняла, что будет выполнять роль прачки несколько долгих недель, может быть, и месяцев. И хотя стирка теперь занимает намного больше времени, другие свои обязанности она также должна выполнять.

Дни кажутся бесконечными, а когда ей наконец можно идти спать, она падает на матрас, у нее даже нет сил на чтение, даже на одну строчку.

Она поняла, как сделать так, чтобы Шарандон не попал ночью в постирочную. Она блокирует ручку двери с помощью кухонного стула.

Но бояться не перестает, страх стал ее второй натурой. Он не покидает ее даже во сне...

Габриэль ретировался вглубь комнаты. Он сидел в кресле и наблюдал за лежащей на кровати незнакомкой.

Она тоже в ужасе глядела на него.

У него ничего не получилось.

Не в этот раз.

Она так сильно сопротивлялась, что он пошел на попятный. Потому что она слишком хотела жить.

Она проснулась от испытанного шока, и теперь они молча смотрели друг на друга.

Габриэль был в ярости. Он проиграл, а этого с ним еще никогда не происходило. Наверное, потому, что он впервые пытался убить невинного человека.

Невинного... Почему он так решил?

Она сидела на кровати в странной позе и не сводила с него взгляда. Вероятно, ждала, что он вновь перейдет в нападение.

Но силы оставили Габриэля.

Не сейчас.

Когда он приблизился к ней, она в животном ужасе вжалась в спинку кровати. Он поставил на столик маленькую бутылку воды и вышел из комнаты.

Она осторожно выдохнула и расслабилась.

Снова вернулась сильнейшая боль. Несколько мгновений

она ее не чувствовала из-за страха, но теперь боль стала еще ужаснее, еще безжалостнее.

Несмотря на это, она попыталась избавиться от пут, дергая, как одержимая, рукой.

Безрезультатно.

Тогда она снова растянулась на кровати, не спуская глаз с двери. Он вернется, в этом сомнений нет. Вернется и задушит ее подушкой, удавит или размозжит череп.

Вернется, чтобы ее убить.

И ничто ему не помешает.

Вспоминай, кто ты. Быстро!

Потому что скоро ты умрешь.

Вспоминай, иначе ты умрешь в одиночестве, без единого воспоминания.

* * *

Габриэль пошел на конюшню. Оседлал Гайю, одну из лошадей. Он купил ее первой. Для Ланы.

Он был несколько груб, и лошадь сразу отреагировала на это, взбрыкнув.

– Извини, старушка...

Он вывел ее из стойла и, держа вожжи в руках, зашагал к лесу по той же дороге, что и утром. Ему принадлежала вся гора вместе с лесом.

Как только он поднялся на холм, то вскочил в седло, надеясь, что эта прогулка освежит его и придаст смелости закончить начатое.

– Это же ты, да? – вдруг прошептал он. – Ты помешала мне прикончить ее...

Если бы еще раз можно было поговорить с Ланой. Потому что, несмотря на всю их любовь, его не оказалось рядом в нужный момент. Он не смог защитить ее, не смог спасти.

Он никогда себе этого не простит. И каждый день, до самой смерти, это будет терзать его сердце.

Он будет говорить с ней снова и снова. Чтобы она никогда по-настоящему не исчезла.

А может, он просто сошел с ума от страдания.

Иногда она ему являлась. Иногда она ему отвечала. Он мог слышать ее голос, мог почти дотронуться до нее.

– Почему ты хочешь ее убить? Она не заслуживает смерти!

– Откуда тебе знать? – ответил Габриэль. – Нам даже имя ее неизвестно!

Габриэль и Гайя пересекли небольшой ручей, и лошадь пустилась рысью. Она обожала эту дорогу и выучила ее наизусть.

– Лана, дорогая моя, я должен! У меня нет выбора...

– Выбор есть всегда. Это ты меня научил!

– Ты понимаешь, какому риску она нас подвергает?... Так что дай мне сил, прошу тебя.

– Почему ты себя так мучаешь? – спросила Лана. – Пусть пройдет время...

Дорога пошла в гору, Гайя замедлила шаг.

– Ты, как всегда, права, – снова заговорил Габриэль. – Сегодня, завтра, какая разница?

Никакой, ответ очевиден.

Чем больше он тянет время, тем сложнее ему будет ее убить.

– Нужно бы разведать, кто она, – прошептала Лана.

– Хочешь знать, откуда она, что пережила?.. В этом вся ты! – ответил ей Габриэль и грустно улыбнулся. – А что потом? Что нам дальше делать? Помочь ей я не смогу. Не смогу...

Лошадь и всадник выехали из леса на открывшееся плато, поросшее дроком и вереском. По плато гулял холодный ветер, он очищал небо от облаков и поднимал густую пыль.

Габриэль прищипорил лошадь, и та перешла на галоп.

Незнакомка не впала в кому, ее состояние было скорее похоже на сон. Ее не отпускал страх.

Она сорвала с живота повязку и увидела страшную рану. В голове пульсировала ужасная боль, в ушах гудело. Она провела пальцем по лицу и дотронулась до шишки на виске; надбровная дуга была повреждена. Верхняя губа разрезана.

Что со мной произошло? Это он со мной сделал?

На ней была слишком большая для нее футболка, – скорее

всего, она принадлежит этому тюремщику.

Мужчине, о котором она ничего не знает.

Мужчине непростому. Высокому, широкоплечему... Ему лет сорок пять, может быть, больше. Может, меньше. Сразу не определить.

Она прикрыла веки, перед глазами стали в полном беспорядке всплывать какие-то картины. Воспоминания, лица, места, слова. Ощущения.

Ничего достаточно точного для того, чтобы она смогла собрать головоломку и понять, кто она.

Я умру в этой комнате, так и не узнав, кем я была, кого любила.

Как меня зовут.

Это произошло в прошлое воскресенье. Сефана с Вадимом и Эмильеном отправилась в гости к Межде, а Фадила с Адиной ушли в кино. Что же касается Шарандона, он сказал жене, что ему надо закончить кое-какую работу и он не может пойти вместе с ней.

Когда я поняла, что останусь с ним на долгое время одна, то почувствовала, как сердце сжалось от страха. Я спрятала в карман рубашки маленький кухонный нож, потом пошла доглаживать груды белья.

Но Шарандон не появился.

Едва его жена ступила за порог, как он позвонил по телефону. Полчаса спустя он вышел из дому. Сквозь кухонное окно я увидела, как он разговаривает с какой-то женщиной, которая припарковала машину у калитки. Они поцеловались, а потом исчезли в гараже. Я сняла обувь и как можно тише открыла ведущую в нежилую часть дома дверь. Из гаража доносились странные звуки. Я немного постояла у двери, но любопытство оказалось сильнее. Поэтому я шагнула на две-три ступеньки вниз и заглянула в гараж. Незнакомка полулежала на капоте машины, Шарандон расположился между ее ляжек. Со спущенными до щиколоток брюками.

Обратно я вернулась так же тихо и закрыла за собой дверь. Я была в шоке от увиденного, и мне стало жаль Сефану.

Но я поняла, что теперь у меня против этого человека есть оружие страшнее ножа. Я взяла тетрадь и записала цвет машины, на которой приехала женщина, и номер.

* * *

Чтобы полностью порвать наши с папой отношения, Шарандоны поменяли номер телефона. В конце концов он прислал письмо. Я знаю это, потому что слышала однажды, как Сефана говорила об этом с мужем. Она спрашивала, нужно ли отвечать, а Шарандон бросил, что это бессмысленно.

Я долго плакала у себя в постирочной. Я плакала дни напролет, потому что понимала, что отец все еще беспокоится обо мне, что он обо мне не позабыл. Я плакала от жалости и от тревоги, потому что представляла, как он волнуется и переживает.

Я бы так хотела написать ему, рассказать всю правду! Но не могу, не сейчас. Когда Вадим подрастет, когда сможет сам сходить и опустить в ящик письмо, вот тогда напишу. А пока что один на улицу он не выходит, вот я и плачу.

* * *

Еще одно Рождество у Шарандонов.

У нас Рождество не отмечали. Некоторые марокканцы

празднуют, но папа с Афак – никогда, они говорили, что это праздник христианский, а не мусульманский. Праздник для нечестивцев.

Когда я вижу, что происходит в доме у Шарандонов, то понимаю, что от христианства тут ничего не осталось. Мне кажется, это скорее праздник для тех, кто продает подарки и еду! А вот для индюшек и куриц праздника никакого нет... В этом году я запекла каплуна, но попробовать его мне не удалось. А 25-го утром, пока дети распаковывали бесконечные подарки, я скромно дожидалась своих. Как обычно, Сефана подарила мне блузку и несколько сушеных фиников, а вот шоколадку не положила. Наверное, забыла.

Блузка синяя в белую клеточку. Мне кажется, рисунок не очень веселый. Мне больше нравилась та, что с бабочками, но я ничего не сказала, кроме спасибо.

На рождественский обед пришли Изри с матерью. Сейчас Изри девятнадцать лет. Он очень высокий, очень сильный, и у него по-прежнему удивительные глаза. Серые, похожие на небо, зимнее, но не хмурое.

После обеда, пока я мыла посуду и убирала в кухне, он пришел взять из холодильника воды и выпил ее, стоя рядом со мной. Он спросил меня, как дела, и этот простой вопрос согрел мне сердце.

Он нашел работу, но не захотел сказать, какую именно. Я не настаивала, он и так был очень добр, что заговорил со мной...

Когда он ушел, я почувствовала себя одиноко. Ужасно одиноко.

В прошлом месяце Таме исполнилось тринадцать. Она у Шарандонов уже больше пяти лет. Тысячу восемьсот тридцать четыре дня в логове Сатаны.

На день рождения, с недельным опозданием, у Тамы первый раз пошли месячные. Она не испугалась, потому что Фадила с ней об этом уже поговорила. Заметив, что у Тамы намечается грудь, она объяснила ей кое-что и даже подарила свой старый лифчик. Он был несколько велик, но Тама поблагодарила Фадилу за любезное к себе отношение.

Тама решила рассказать Сефане о начавшихся месячных. Ей было стыдно, но выхода не было. Тама почувствовала, что Сефане эта новость не понравилась, хотя и не поняла почему. Сефана дала ей прокладки и несколько трусиков, чтобы она могла их регулярно менять.

Тама почувствовала, что в ней что-то изменилось, как будто из одного состояния она перешла в другое. Но жизнь ее при этом была прежней. Она продолжала оставаться прислугой для всей семьи.

Для семьи, которая так и не приняла ее.

* * *

Лето уже закончилось, дети пошли в школу.

Три дня назад Шарандона повысили, он стал директором, не знаю чего. Пригласил всех в ресторан, чтобы это отметить. Я же провела вечер запертой в постирочной. Они забыли оставить мне поесть до своего ухода, поэтому у меня совсем нет еды, и так будет до завтрашнего утра.

Странно, но я заметила, что от голода светлеет голова. Как будто ум становится более живым, более подвижным. Чтобы убить время и забыть о пище, я большую часть ночи читала. Книгу о Второй мировой войне. Думаю, все люди сумасшедшие. Но их сумасшествие заразительно.

* * *

Этим вечером Сефана уже отправилась спать. У нее мигрень. Дети тоже у себя, должно быть, спят. Шарандон сидит перед телевизором, смотрит бокс.

А я в кухне. Я помыла посуду, убрала все и хотела бы тоже пойти спать. Но я заканчиваю задание, которое получила от Сефаны после обеда. Она увидела, что плита грязная, и приказала ее отмыть. Завтра утром она проверит, как вымыто, так что лучше мне сделать так, чтобы плита сверкала. Вот я

и тру-тру.

Пока не чувствую, что за спиной кто-то стоит. Поворачиваюсь. Он.

Шарандон смотрит на меня странным, липким взглядом. Взглядом, из-за которого мне уже не раз хотелось выцарапать ему глаза.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила я.

Он кивает, а я жду, сжавшись от страха. У него в руке стакан с виски. Наверное, полбутылки выпил.

Он придвигается, я дышу все чаще. Ставит стакан на стол, закрывает дверь кухни. Подходит ближе, потом еще ближе.

– Ты для своего возраста очень миленькая, – шепчет он. – Прямо маленькая женщина...

Я опускаю глаза, сердце у меня сжимается. Он хватается меня за запястье, прижимает к себе, гладит по щеке, по шее. Я дрожу от отвращения.

– Будешь себя хорошо со мной вести, разрешу отцу позвонить, – тихо говорит он.

Я поднимаю голову, приоткрываю рот. Но что сказать, что сделать?

Я мечтаю о том, чтобы позвонить отцу. И этот извращенец об этом знает.

Он толкает меня к столу с мойкой, расстегивает мне блузку.

– Расслабься...

Блузка падает на пол. Я остаюсь в футболке, которую он

приподнимает, он трогает мою грудь. Мне так плохо, что кажется, я сейчас упаду в обморок.

– Вам не следует...

– Заткнись, – говорит он, не повышая голоса.

Когда он запускает руку мне в трусики, я перестаю дышать. Через секунду я его отталкиваю и бегу в противоположный угол комнаты. Он пристально смотрит на меня, но я не отвожу взгляда.

– Ты не хочешь позвонить отцу? Не хочешь с ним поговорить?

– Я не такая! – говорю я.

– Какая не такая?

– Как та женщина, из гаража. На капоте вашей машины...

Шарандон меняется в лице, он перестает улыбаться:

– О чем ты?

– Сами знаете! В воскресенье, когда мадам ушла к сестре, а та женщина пришла сюда. На серой машине приехала... Я видела вас там, в гараже!

Шарандон снова улыбается:

– Смотрела, как мы трахаемся? И как тебе?

Он снова стоит рядом со мной, я стараюсь не показывать страха.

– Отвратительно!

– Да? А чего тогда смотрела?

Он прижимает меня к стене.

– Только троньте, я все вашей жене расскажу! Про гараж!

– Да рассказывай, наплевать... В этом доме я хозяин, жене слова не давали. Да тут вообще все мое. Будет доставать, на улицу выкину!

Не знаю, блефует он или ему и правда все равно. Если так, то защищаться мне больше нечем.

Кроме голоса.

И я начинаю орать. Ору, как только могу. Он закрывает мне ладонью рот, но уже слишком поздно. Я всполошила весь дом.

Не проходит и тридцати секунд, как в кухне появилась Сефана, столкнувшись в дверях с мужем. Она смотрит на меня, на мои голые ноги, видит, что я вжалась в стенку. Блузка валяется на полу, на столе – стакан виски. Она идет за мужем в гостиную, где он снова завалился на диван.

– Что произошло? – спрашивает она.

– Отстань.

– Скажи, что произошло! – настаивает Сефана.

Шарандон дает ей такую сильную пощечину, что я вздрагиваю. Они смотрят друг на друга, и Сефана отводит глаза. Она возвращается в кухню, когда я надеваю блузку.

– Завтра доубираешь, – говорит она, открывая дверь в постирочную. – Иди спать.

– Спасибо, – шепчу я.

Я приставляю стул к ручке двери и ложусь на матрас. Руки дрожат, все тело дрожит. Я прижимаю к себе Батуль и смотрю в потолок. Я призываю на помощь Господа, который уже

давно обо мне позабыл.

Десять минут спустя я слышу в кухне шаги своего врага. Шарандон пытается открыть дверь, я перестаю дышать. Я молюсь, чтобы стул не сломался, чтобы спас мне жизнь.

– Ах ты, хитрая тварь... Открывай!

Я ничего не отвечаю, я не способна произнести ни слова.

– Открывай, черт возьми! Это мой дом!

Он насаждает, пробует еще раз, и я вижу, что стул шатается.

– Войду, тебе конец! – предупреждает он.

Я вжимаюсь в стену, сердце стучит, как сумасшедшее. Стул не выдерживает, дверь распаивается. Я снова ору, ору изо всех сил.

Секунда, и Шарандон склоняется надо мной. Дает мне кулаком в лицо, я бьюсь головой о стену.

– Заткнись!

Он продолжает меня избивать, я еще могу кричать. Но его уже ничто не остановит.

– Ты плохой, папа...

Шарандон прекращает меня бить и оборачивается; в постирочную вошел Вадим, у него в руках его любимая мягкая игрушка. Он начинает рыдать, когда видит на моем лице кровь. Появляется Сефана и смотрит на мужа взглядом, который мне не забыть никогда. Я скорчиваюсь на матрасе и тоже начинаю плакать. Шарандон побежден, он отталкивает жену и исчезает. Сефана берет Вадима на руки. В ее глазах ярость. Она хлопает дверью, и я остаюсь одна со своей бо-

лью.

В эту ночь я знаю, что не усну. Потому что скоро Шарандон отомстит мне за это оскорбление. Может быть, уже завтра. И Сефана не сможет ему помешать. Никто не сможет.

Когда Габриэль вошел в комнату, был уже почти вечер. Как только девушка его увидела, то сразу вжалась в кровать.

Он подошел, держа в руках небольшой поднос, и несколько секунд пристально на нее смотрел.

– Голодна?

Она не ответила, не двинулась с места. Он поставил поднос рядом с ней, вытащил из кармана ключ от наручников и отстегнул ее запястье. Потом сел в кресло на другом конце комнаты.

Она взглянула на подношение. Чашка чая, печенье и яблоко. Она не пошевелилась.

– Ты должна поесть. Иначе рискуешь умереть.

Он сказал это с улыбкой, в которой было что-то жестокое.

– Еда не отравлена. Можешь не бояться.

Она сконцентрировалась и попробовала произнести:

– Вы... ме... ня...

Слова разваливались, слоги перемешивались. Она не могла нормально говорить и снова замолчала.

– Как тебя зовут? – спросил Габриэль.

Она поднесла руку к виску.

– Какое сегодня число?

Она чуть покачала головой.

– Сотрясение мозга, – заключил Габриэль.

Он вышел из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Она подумала, что сейчас самое время бежать. Но для этого надо было найти силы и встать с кровати. Когда она попыталась сесть на край постели, ее замутило. Она сжала руками голову и закрыла глаза.

Габриэль вернулся в комнату и положил на поднос таблетки, потом снова сел в кресло.

– Прими, – приказал он.

Она недоверчиво посмотрела на него, в ее глазах блеснули ярость и отчаяние.

– Ты должна есть и спать. Тогда, может быть, память и вернется.

Поскольку она по-прежнему не двигалась, он вздохнул.

– Иначе придется тебя заставить, – пригрозил он. – Это может быть очень неприятно, уверяю тебя...

Она поднесла чашку ко рту. Сладкий вкус, горячо, вкусно. Она взяла таблетку и долго рассматривала ее, прежде чем проглотить. Если эта маленькая таблетка отравлена, в конце концов, это просто прекратит ее страдания. Потом она съела половину печенья. Силы уже почти оставили ее, она решила больше не есть и опустила гудящую голову на подушку. Габриэль снова приковал ее к перекладине кровати и странно улыбнулся.

– Хороших снов, – прошептал он.

У Тамы еще не прошли синяки на лице и на теле. Уже неделю Шарандон не подходит к ней, лишь бросает полные ненависти взгляды, которые не предвещают ничего хорошего. Готовит месть, и она будет ужасной.

Тама прекрасно понимает, что отношения Шарандонов портятся с каждым днем.

В кухонное окно девочка видит, как к дому подъезжает Межда. Она оставляет машину в саду, и Сефана встречает ее на пороге. Они устраиваются в гостиной, Тама приносит им чай с мятой и пирожные. Они странно на нее смотрят, как будто она в чем-то провинилась. Она слышит из кухни, как они разговаривают, но разговор ведется так тихо, что она не может разобрать ни единого слова.

Когда они приходят к ней в кухню, уже почти полдень.

– Собирайся, – приказывает Сефана.

Тама кладет на стол полотенце и смотрит на них непонимающим взглядом.

– Слышала? – добавляет Межда. – Поторапливайся.

– Но...

– Без разговоров! Берешь вещи и едешь со мной.

– Куда?

– Ты покидаешь этот дом, – говорит Сефана. – Теперь будешь жить у Межды.

Мир Тамы рушится. Земля уходит из-под ног. Она ничего не понимает.

– Давай же, пошевеливайся! – торопит ее Межда.

– А Вадим...

– Что «Вадим»? – взвывается Сефана.

– Кто... Кто будет о нем заботиться?

Сефана поджимает губы. Этот простой вопрос скрывает тысячи мелочей.

– Через несколько дней кто-нибудь тебя заменит. Более достойная девица.

Тама застыла, словно каменное изваяние.

– Я сделала что-то дурное? – спрашивает она.

– Ты прекрасно знаешь! Думаешь, я не вижу, что у тебя с моим мужем?

– Но это он...

Межда вцепляется ей в руку, впиваясь ногтями в кожу.

– А теперь закрываешь рот и идешь за мной. Навидалась я таких вертихвосток...

Тама не знает значения слова «вертихвостка». Наверное, это какое-то оскорбление. Она снимает передник, идет в постирочную. Открывает трясущимися руками коробку, в которой лежат ее скудные вещи и рисунки Вадима. Она кладет туда Батуль, тетрадки, ручку и последнюю незаметно взятую книжку.

Это все, что у нее есть.

Она чувствует, как на глаза наворачиваются слезы, и ста-

рается не плакать. Конечно, Сефана все видит. Только не хочет признаться своей дорогой кузине, что ее муж предпочитает ей девчонку. Прислугу.

Она возвращается к женщинам, неся в руках коробку.

– Можно, я попрощаюсь с Вадимом? – мягко просит она.

– Он в школе, – сухо напоминает ей Сефана. – Так что ты его не увидишь... Ты вообще его больше не увидишь.

Таме кажется, что кто-то как будто вырывает у нее сердце. Она больше не может сдерживать слезы.

– Хватит скулить! – бросает Межда, снова беря ее за локоть.

Она тащит Таму к выходу, и та в последний раз оборачивается. Она до последней секунды еще надеется, что у Сефаны в глазах что-то блеснет. Грусть, сострадание, прощение.

Какое-нибудь чувство.

Но в них нет ничего, кроме ярости.

Ничего, что согрело бы Таме сердце.

На улице ей становится холодно. И кружится голова. Она садится на заднее сиденье в машину к Межде.

По дороге она смотрит сквозь слезы на незнакомый ей город. Она несколько лет не выходила из дома, поэтому ей немного не по себе. Слишком много впечатлений, скорости, людей. Межда слушает радио и ни разу к ней не обращается.

Тама постоянно думает о Вадиме. Когда он вернется из школы, то будет повсюду ее искать. Она знает, что ему будет грустно так же, как и ей. Что он будет чувствовать себя оди-

ноким, покинутым. Преданным.

Прошло полчаса, и они подъехали к старому зданию, похожему на башню, совершенно невыразительному. Теперь Тама будет жить здесь.

Ее только что снова вырвали из семьи, второй раз в жизни. Снова лишили корней.

* * *

Квартира Межды довольно большая, но намного менее красивая по сравнению с домом Шарандонов. Из окон здесь виден не сад, а блочный дом напротив. Межда живет на шестом этаже, поэтому оставила ручки на окнах, ей нечего бояться, что ее рабыня убежит. А может, и не стоило бы... Когда Тама приближается к окну, у нее начинает кружиться голова. И ей хочется прыгнуть вниз.

Пять вечера. Вадим уже должен был вернуться из школы. Как только она об этом думает, ком снова подкатывает к горлу.

По приходу домой Межда сразу показала ей, где та будет спать. Это называется «лоджия». Но на самом деле нечто вроде постирочной. Тут стоит стиральная машина, натянуты веревки, чтобы сушить белье, но матраса нет. Только два одеяла.

– Одно вниз, вторым накроешься, – пояснила ей Межда. Но главное, нет туалета. Межда два раза повторила, что

Тама не имеет права пользоваться ее туалетом. Вот ведро с опилками, чтобы сходить «по-маленькому», для остального – полиэтиленовый пакет. Его Тама должна выбрасывать в мусорный бак, который находится тут же на лоджии.

Ходить в туалет в ящик, в ведро, в мешок.

Как собака или кошка.

Как животное.

На лоджии также установлена раковина, куда укладывается сливной шланг стиральной машины; мыться Тама будет здесь, несмотря на отсутствие горячей воды.

Потом Межда приказала девочке приниматься за работу и убрать всю квартиру. Давно пора, решила Тама. Ей придется постараться, чтобы убрать всю грязь этого унылого жилища.

В квартире три спальни. Межды, Изри и еще одна, которую используют как чулан. Но теперь у Изри своя квартира. К счастью, Межда уточнила, что Изри заходит почти каждую неделю.

Стало темно. Для Тамы. Только для Тамы.

Она готовит еду и не перестает плакать. Ее слезы смешиваются с харирой, что наверняка придаст этому супу особый вкус.

Межда валяется на диване перед телевизором. Она хочет ужинать за журнальным столиком. Тама ставит тарелку, стакан, приборы и начинает прислуживать. Межда не смотрит на нее, ее взгляд устремлен на экран. Спасибо она не говорит, но Тама этого и не ждет.

Тама вообще уже ничего не ждет.

Когда Межда заканчивает ужинать, Тама моет посуду, а потом наводит порядок в кухне. Она пытается успокоиться, говоря себе, что тут работы будет меньше, чем у Шарандонов.

Она возвращается в гостиную и останавливается перед Междой.

– Чего тебе?

– Можно мне лампу? Маленькую, чтобы поставить на коробку...

– На лоджии же есть свет – что, недостаточно?

Тама не настаивает и разворачивается.

– Тама?

– Да?

– Надо говорить «да, мадам»! – поучает ее Межда.

– Да, мадам.

– Тут ты будешь работать по выходным.

Тама хмурится. А что же она будет делать в оставшиеся пять дней?

– На неделе будешь ходить к другим людям. А теперь иди спи. Посижу хоть спокойно!

– Хорошо, мадам. Можно, я сначала немного поем?

Межда вздыхает, как будто Тама ее ужасно выводит из себя.

– Возьми яблоко. Там, на столе.

Тама берет яблоко и идет в кухню, но Межда ее окликает:

– Тама?

– Да, мадам?

– Ты ничего не забыла?

Тама молчит, перебирая в уме все, что она могла «забыть».

– Ты не сказала спасибо за яблоко.

Тама на секунду закрывает глаза:

– Спасибо, мадам. И спокойной ночи.

Она уходит на лоджию и падает на одеяло. Ест яблоко и смотрит на матовое стекло, через которое пробивается слабый свет с улицы. За толстой стеной лоджии проходят тени. Люди, которые возвращаются к себе домой.

Может быть, она должна позвать на помощь? Но чтобы позвать на помощь, надо существовать. Существовать где-то, для кого-то.

Когда она заканчивает «ужинать», то вытаскивает из коробки Батуль и сажает ее на одеяло. Берет рисунки Вадима и долго на них смотрит. Потом прячет тетради, ручку и книгу за стиральную машину, которая поставлена на что-то вроде доски на колесиках. Потом забирается под одеяло, потому что это не лоджия, а морозильная камера. И такой жесткий пол.

Ужасный, как ее жизнь.

Тама вдруг понимает, что не заметила у Межды ни одной книги.

И тогда она снова начинает плакать. И плачет всю ночь.

Какое-то время она пыталась сопротивляться. Веки так отяжелели... Но каждый раз, когда она закрывала глаза, то вздрагивала и снова возвращалась к жизни.

И тем не менее она погрузилась в небытие.

Когда он увидел, что она наконец заснула, Габриэль приблизился к кровати.

Сейчас или никогда.

С этим надо было покончить.

Несмотря на то что он обещал Лане, несмотря на странное чувство, которое зародилось у него в глубине души.

Несмотря ни на что.

Он решил посмотреть на нее еще несколько секунд. Господи, какая красавица! Красивая и безоружная...

Ему не хотелось снова ее душить подушкой, нужно было придумать что-нибудь другое. Самое простое – взять пистолет, который она наставила тогда на него, и выстрелить в упор. Еще он мог бы вонзить ей нож в сердце или задушить собственными руками.

Он сидел рядом с ней и размышлял.

Размышлял так долго, что наступила ночь.

Вооружившись фонариком, Габриэль вышел из дому. От ледяного холода и сильного ветра на несколько секунд пере-

хватило дыхание. Он спустился по ступеням и зашел в мастерскую. Взял весившую несколько килограммов кувалду и быстрым шагом подошел к стоявшей около дома старой постройке. Когда он открыл дверь, та мрачно заскрипела.

Время здесь словно остановилось. Несколько дряхлых предметов мебели каким-то чудом еще не развалились, от стен отставали древние обои, в нос бил запах плесени. Габриэль положил фонарик на изъеденный жучком стол, схватился обеими руками за кувалду и начал крушить стену.

Каждый удар сопровождал крик ярости, почти вой.

Он закончил со стеной и принялся за мебель.

Бить, еще и еще. Снова и снова.

Бить пока не выдохнется, а сил у него было феноменально много.

Разрушить все, до чего можно дотянуться. Все, что можно разрушить.

Прошел почти час, пока он не обессилел. Он отбросил кувалду и упал посреди хаоса на колени. Стертые в кровь руки уперлись в пыль на полу. И тогда он начал рыдать, как ребенок. Слезы душили его, он почти кричал.

Бить, бить, бить.

Всех уничтожить, одного за другим.

Убить всех, до последнего.

В понедельник утром Межда отвозит меня на машине в соседний район. Потом мы поднимаемся к мадам Маргарите, строение С, четвертый этаж. Мадам Маргарита представляет собой даму средних лет, живет в маленькой квартире, Межда ее давно знает. Я прихожу туда в семь утра; в семь вечера, когда я заканчиваю работу, Межда забирает меня. И Маргарита дает ей деньги. Кажется, двадцать евро.

Мадам Маргарита хочет, чтобы я убирала всю ее квартиру по понедельникам. Это заставленная кособокой мебелью двухкомнатная квартира, в которой повсюду лежат ажурные салфетки. Тут не так богато, как у Шарандонов; скорее всего, денег у Маргариты немного.

Когда я прихожу, то начинаю с того, что меняю постельное белье и кладу его в стиральную машину. Потом я должна протереть пыль, вымыть туалет с ванной и окна. Когда я заканчиваю, то готовлю еду на несколько дней вперед. Овощной суп, который я разливаю по пластиковым контейнерам, рагу, иногда яблочный пирог. Это зависит от настроения мадам Маргариты и от того, что она покупает на рынке, который работает утром по субботам около ее дома. Пока все потихоньку варится, я глажу белье, которое она постирала на неделе.

В это время мадам Маргарита сидит у себя в кресле. Она

извиняется, говоря, что у нее болят ноги; наверное, это с каждым в старости будет. Она читает журналы, в которых пишут об известных людях, об их любовных историях, разводах, изменах или проблемах с алкоголем. Кажется, ее это увлекает. Когда она не читает, то смотрит телевизор.

Мадам Маргарита как-то сказала мне, что родилась в Алжире. Что долго там жила, а потом переехала во Францию, но хотела бы остаться в Алжире, в этом я ее хорошо понимаю. Что я меньше понимаю, так это то, что она постоянно ругается на арабов. Называет их «чурками». Иногда она зовет их «туземцами». И все они будто бы воры или террористы. Мне она тоже, кстати, поначалу не доверяла. Ходила за мной и говорила, как с дурочкой.

Но сейчас она скорее милая, а еще мне нравится, что около полудня она позволяет мне пообедать за столом. Я могу выпить стакан лимонада и съесть кусок пиццы, которую она специально для меня покупает. На десерт – шоколадное печенье. Это единственный настоящий обед за неделю!

Маргарита давно потеряла мужа, у нее трое сыновей, но она всегда одна. Я считаю, это печально. Они живут далеко и не могут приезжать к ней, но иногда звонят.

Когда-то Межда жила в соседней квартире, так они и познакомились. Так что Маргарита видела Изри, «когда тот был еще крохотулькой». Она мне рассказала, что, когда родители ссорились, Изри всегда прятался у нее.

До приезда Межды Маргарита дарит мне несколько конфет с солодкой, которые я прячу в карман, чтобы съесть вечером у себя на лоджии. Потом она говорит мне «спасибо и до понедельника».

Мадам Маргарита мне нравится, и понедельники тоже нравятся.

Но каждый вечер, в понедельник, как и в любые другие дни, я думаю о Сефане. Спрашиваю себя, не грустно ли ей. Но больше всего я думаю о Вадиме. Я надеюсь, что ему не так тяжело, как мне, и что он по-прежнему рисует для меня.

И надеюсь, что он еще не позабыл обо мне.

По ночам я часто резко просыпаюсь. Мне кажется, что я слышу его голосок, что он меня зовет из-за стенки. Тогда я закрываю глаза и говорю с ним, стараюсь его успокоить. Говорю, что однажды мы снова увидимся.

* * *

Во вторник надо очень рано вставать, потому что Кара-Сантосы живут на другом конце города. Межда везет меня к ним и забирает только в четверг вечером.

Манюэль и Мари-Виолетт Кара-Сантос живут в красивом доме. У них двое детей – Жасмин, ей семь лет, и Адам, ему тринадцать, как и мне. Кара-Сантос руководит фирмой, которая занимается обрезкой деревьев и уходом за садовыми участками, а жена сидит дома. Она ждет третьего ребенка,

он появится на свет через четыре месяца, если все будет хорошо.

Я остаюсь у них на три полных дня и сплю в кухне. Каждый вечер я вытаскиваю коврик и подушку из шкафа в прихожей и расстилаю себе «постель» между столом и холодильником. Еще у меня есть плед, им можно накрыться, если холодно. В первый день, когда я к ним приехала, мадам Кара-Сантос хотела купить мне надувной матрас, но Межда сказала ей, что лучше не надо, потому что я предпочитаю спать прямо на полу.

Так что я сплю на полу.

Здесь у меня ничего нет, даже Батуль. Ночью я думаю об отце и о тете Афак. Спрашиваю себя, посылает ли по-прежнему Сефана десять евро каждую неделю моей семье. Думаю, нет... Еще я спрашиваю себя, хорошо ли «новая Тама» заботится о Вадиме. А потом засыпаю.

У Кара-Сантосов, как и у Маргариты, я убираю, стираю, глажу и готовлю. Когда дети возвращаются из школы, я кормлю их полдником, а когда они заканчивают делать домашние задания, мне надо проверить, приняли ли они душ. Потом я накрываю им в кухне. Они очень нервные, капризные и грубые. Мне они совершенно не нравятся, и это взаимно.

Утром я получаю печенье и стакан молока. В обед ничего, а вечером кусок хлеба с плавленым сыром.

У мадам Кара-Сантос проблемы с вынашиванием будуще-

го ребенка, поэтому ей нужно все время лежать. Я приношу ей теплое питье и еду в спальню. Именно поэтому до родов ей постоянно нужен кто-то дома. А поскольку ее муж давно знаком с Междой, то она меня сюда и пристроила.

Мадам Кара-Сантос обращается ко мне, только если надо что-то приказать сделать. Она запретила мне разговаривать с ее детьми, чтобы я не могла на них плохо повлиять. Я не очень понимаю, что это значит, к тому же времени на беседу у меня особо и нет.

Кара-Сантос возвращается поздно и ужинает в спальне вместе с супругой. Он тоже со мной не общается. Даже не смотрит в мою сторону, как будто я прозрачная.

В четверг вечером Межда меня забирает, потому что с пятницы по понедельник к Кара-Сантосам приходит све-кровь Мари-Виолетт, так что я им больше не нужна. Межде дают шестьдесят евро наличными.

Когда мы уезжаем от Кара-Сантосов, Межда везет меня прямо на фирму. Потому что вечером по понедельникам, четвергам и пятницам я там тоже работаю. Почти всю ночь убираю в кабинетах.

Межда паркует машину у нужного здания и открывает мне дверь, от которой у нее есть ключи. Закрывает за мной, а сама ложится на диван в одном из кабинетов, пока я при-бираю. Я так хочу спать, что эти ночи кажутся мне бесконечными. И потом я с самого утра не получаю еды, поэтому у меня часто кружится голова. Но у меня нет времени на от-

дых: здесь много кабинетов.

Мы никогда никого не встречаем, но я знаю, что в пятницу вечером в кабинете, где спит Межда, появляется конверт с деньгами. Я спросила у нее, кто убирает здесь по вторникам и по средам, но она мне ничего не ответила.

Межда просыпается около четырех утра, в это время я должна закончить работу. Мы садимся в машину и возвращаемся в квартиру. Часто я засыпаю на заднем сиденье машины. Когда мы приезжаем, то мне наконец разрешается пойти поспать, с пяти до семи. Не больше, потому что по пятницами я работаю еще у одних людей. Это соседи Межды, месье и мадам Бенхима. Они живут этажом ниже. Как и у Маргариты, у них я должна убрать за день квартиру, постирать и погладить. Несмотря на то что нужно спуститься всего на этаж, я не имею права идти туда одна, и Межда меня провожает, закрывает на ключ, а потом забирает. Может быть, она боится, что я убегу? Но я не знаю, куда мне идти...

Я никогда или почти никогда не встречаюсь ни с кем из семьи Бенхима. Они оба работают, и иногда я вижу их, когда они возвращаются после работы. Они, наверное, хорошо знакомы с Междой, потому что доверили ей вторые ключи от квартиры. Раз в месяц они дают ей деньги, которые я заработала.

Вечером по пятницам, как только я заканчиваю у них убирать, я возвращаюсь на фирму, чтобы снова заняться ночной уборкой.

По выходным я остаюсь у Межды и занимаюсь уборкой у нее в квартире. А я-то думала, что тут будет меньше работы, чем у Шарандонов... Как я ошибалась!

Я подсчитала, что благодаря мне Межда зарабатывает сто евро в неделю, не считая того, что она получает на фирме в пятницу вечером. Думаю, что это много, но она постоянно напоминает мне, что я ей дорого обхожусь, больше, чем зарабатываю.

Я ломаю голову, но не понимаю, как я могу ей «дорого обходиться». У нее я ем еще меньше, чем у Шарандонов, я постоянно хочу есть. Вечером мне полагается яблоко или банан. Утром кусок хлеба с цикорием. К счастью, иногда мне удастся незаметно взять что-нибудь из холодильника. Кусок сыра, помидор или йогурт.

Я живу здесь два месяца, а силы уже на исходе. Спину и плечи ломит практически постоянно. Еще часто ноют ступни. Один раз я пожаловалась Межде, сказав, что она дает мне слишком много работы и что я недостаточно сплю. Она молча встала с дивана и подошла к шкафу. Вытащила оттуда кожаный хлыст, приказала мне полностью раздеться и долго била, по спине, по ногам, по рукам и даже по животу. Потом вытолкала меня из комнаты на улицу и следом выбросила мою одежду. Ночь я провела на балконе, без одеяла.

С тех пор я больше не осмеливаюсь что-либо говорить, но чувствую, что успокоиться не могу. Я хочу возмутиться,

закричать. Все вокруг сломать.

По вечерам я плачу. От усталости или тоски, уже и сама не знаю. А еще от ярости и несправедливости. Я думаю о Вадиме, его мне по-прежнему очень не хватает.

Нужно было все рассказать Изри. Я видела его всего два раза с тех пор, как покинула дом Шарандонов, но я знаю, что он скоро зайдет к матери. Может быть, ему удастся уговорить ее не так нагружать меня работой? Может быть, в его власти хоть немного облегчить мою жизнь здесь?

Он моя единственная надежда. Моя последняя надежда.

Сегодня понедельник. Лучший день недели.

Сейчас полдень, и мы обе садимся за стол в кухне. На этой неделе у нас пицца с чоризо и лимонад. На десерт Маргарита купила для меня в кондитерской маленькое шоколадное пирожное. Пирожное только одно: Маргарита утверждает, что ей нельзя из-за диабета. Но я думаю, что оно ей дороговато.

Пирожное называется «опера», никогда не ела ничего вкуснее.

Я даже расплакалась.

Маргарита тоже растрогалась и гладит меня по щеке. Я ей говорю, что все в порядке, что просто я очень рада быть здесь, с ней. Я вытираю слезы и варю кофе. Она спрашивает меня, чего бы мне хотелось, я от удивления немею. Немного размышляю и говорю:

– Книгу.

– Книгу? Ты читать умеешь?

По-видимому, это ее изумляет.

– А где ты научилась читать?

– В моей бывшей семье.

– Гм... И какую же книгу?

– Интересную. Где счастливые люди.

Она улыбается и поднимается на ноги. Ей тяжело ходить, поэтому она берет палку и исчезает в гостиной. Проходит

три минуты, и она приносит мне книгу. Книжка маленькая, ну и хорошо. Так ее будет проще спрятать на лоджии.

– Спасибо, – благодарю я Маргариту, рассматривая книгу. – Я верну ее вам, когда прочитаю!

– И тогда я тебе другую дам, если захочешь.

Я радуюсь.

– Только Межда не говорите, хорошо?

– Хорошо, – улыбается Маргарита. – Это будет нашей маленькой тайной!

Книга старая, страницы пожелтели от времени. Но это большое сокровище. Бесценное. Я громко читаю название, как будто хочу ей доказать, что не обманываю:

– «Малыш», Альфонс Доде.

– Это прекрасная книга, вот увидишь, – добавляет Маргарита. – Уверена, она тебе понравится.

Она пьет кофе, а я начинаю мыть посуду.

Я бы хотела, чтобы неделя состояла только из понедельников.

* * *

Межда заглядывает в кухню и сухо говорит Таме:

– Сын придет обедать. Так что приготовь что-нибудь вкусное, ясно?

– Да, мадам.

Как только Межда выходит, Тама улыбается. Она смотрит,

что есть в холодильнике и шкафчиках, ищет самые лучшие продукты, чтобы выполнить поручение хозяйки дома, но на самом деле, чтобы доставить удовольствие Изри. Она вспоминает, что он любит курицу, и находит в морозилке тушку. Она решает приготовить курицу с лимонами, а на гарнир овощи и рис с шафраном. На закуску она сделает марокканский салат.

В половине двенадцатого обед готов, стол накрыт, а на кухне витает приятный аромат. Изри приходит после полудня, обнимает мать и наливает себе стакан виски.

– Тама? – громко зовет он.

Девочка сразу прибегает.

– Добрый день, – говорит она, застенчиво улыбаясь.

– Привет... Не дашь льда?

– Сейчас.

Тама спешит принести ему полную чашку льда, и он кладет в напиток два кусочка. Пока Изри закуривает, Межда открывает окно, которое выходит на балкон.

– Тебе не следовало бы курить, сынок, это вредно для здоровья!

– Мам, не начинай, ладно?

Тама ставит на стол корзинку с лепешками и бутылку воды. Потом – закуску и раскладывает ее по тарелкам. Она замечает, что Изри поменял прическу и набил на руки татуировки. На левую – дракона, на правую – череп. Когда Изри смотрит на Таму, она волнуется.

Во время обеда Изри с матерью общаются мало. Тама следит, чтобы у них было все, что требуется. Она ждет комплиментов за свою работу. От Изри, потому что знает, что от Межды можно ждать только упреков.

Но Изри с ней не заговаривает. Лишь несколько раз бросает взгляд, улыбается. Это уже много.

После того как она принесла им кофе, Тама начинает мыть посуду. Она видит, как Изри с матерью выходят на балкон и что-то обсуждают, и Изри закуривает. Межда размахивает руками, как будто рассказывает ему нечто важное.

Десять минут спустя Изри приходит в кухню к Таме и делает себе вторую чашку кофе. Он присаживается к столу, рядом с Тамой, и сердце у нее начинает биться, как сумасшедшее. Она чувствует, что молодой человек смотрит на нее. На Таму это всегда производит удивительное впечатление.

– Столько тебе сейчас лет?

– Тринадцать с половиной, – отвечает она.

– Настоящая невеста уже!

Тама поворачивается и улыбается ему.

– И очень симпатичная...

– Спасибо, – шепчет Тама.

– Это правда, я так думаю.

Таму бросает в жар, несмотря на все усилия сдержаться, она становится пунцовой.

– Краснеешь?! – веселится Изри.

Тама не отвечает, только ломает пальцы.

– И как тебе тут, нравится?

Тама поднимает голову. Сейчас или никогда. Надо ему сказать. Но это не так просто. Он видит, что она мнетя, и хмурится.

– Ну же, давай, – говорит Изри, приближаясь. – Она на балконе, цветы свои поливает...

– Мне... Нет, не очень, – шепчет она.

– Почему?

– Я работаю каждый день и три ночи в неделю... Это много. Поэтому я устаю. Очень. И еще... твоя мать меня избила и заставила спать на балконе.

Изри пристально смотрит на нее, не говоря ни слова. Тама пытается понять, что выражают его серые глаза, но не может.

– Раз она тебя ударила, значит ты что-то плохое сделала, нет?

– Нет! – защищается Тама. – Я просто ей сказала, что она заставляет меня слишком много работать.

Изри закуривает.

– Ты меня за идиота держишь?

Тама открывает рот, но слов не находит.

– Она мне кое-что про тебя рассказала. Кое-что интересное...

Тама пытается собраться с мыслями:

– Что?

– Она мне сказала, что Сефана тебя выгнала, потому что ты плохо вела себя с ее мужем. Будто бы ты с ним заигры-

вала?

Тама смотрит на него и не понимает. Играют с кошками или собаками. При чем тут мужья?

– Что это значит?

Изри встает прямо перед ней, проводит рукой под юбкой. Тама сжимается.

– Заигрывать? Вот что значит, – выдыхает молодой человек ей на ухо.

Тама опускает глаза.

– Ведь ты еще совсем мала...

– Я ничего плохого не сделала. Это он, не я!

– Серьезно?.. А еще она сказала, что ты ее обозвала. Что назвала ее «старой шлюхой».

Сердце у Тама сжимается.

– Неправда! – возмущается она.

– Что, моя мать – лгунья?

– Я ее не обзывала! – кричит Тама дрожащим от слез голосом.

Изри хватает ее за плечи, ей кажется, что ее взяли в тиски.

– Черт, ты меня разочаровала! – бросает молодой человек. – Очень разочаровала. Мать расстраиваешь, а ведь она могла и не помешать Сефане, и та выбросила бы тебя на улицу... Еще раз так сделаешь, будешь иметь дело со мной, это я тебе обещаю. Ясно?

Изри уходит около четырех, не попрощавшись. Я глажу

вещи Межды, а она опять валяется на диване перед телевизором.

Мне грустно. И меня трясет от ярости.

Я больше не нравлюсь Изри. Он считает меня грязной, презирает меня. Поэтому мне еще тяжелее, чем обычно. Слезы капаят на одежду Межды. Вот бы они были из кислоты и прожгли бы ей дырки.

Все это из-за нее. С самого начала – из-за нее. Это она приехала за мной, когда мне было восемь лет. Она забрала меня из семьи и привезла в эту проклятую страну. Далеко, так далеко от кладбища, где покоится моя мама.

Вдруг она меня зовет. Как будто собаку подзывает. Я вздыхаю, отставляю утюг и иду в гостиную.

– Да?

– Да, мадам! – раздраженно поправляет она.

– Да, мадам?

– Пить хочу.

Я возвращаюсь в кухню, наливаю в стакан питьевой воды и сразу приношу.

– Да не воды, дурочка! Кока-колы.

Я сжимаю зубы и ухожу в кухню. Заменяю воду на колу, плюю в стакан и перемешиваю. Потом приношу стакан и ставлю на журнальный столик.

– Что-нибудь еще, мадам? – спрашиваю я тоном, который мне кажется нейтральным.

Межда смотрит на меня, у нее злобный вид.

– Ты как со мной разговариваешь? – бросает она.

– А вы не рассказывайте Изри обо мне всякие гадости! – произношу я с некоторым апломбом. – Врать нехорошо. Особенно собственному сыну.

Она ошеломлена моей наглостью, и я ухожу. Мне стало легче, намного легче. Пусть даже я дорого заплачу за свои слова. Она, наверное, скоро придет и хлыст захватит. Но мне уже все равно.

Она является меньше чем через минуту, ее лицо обезображено гневом. Руки пусты, может быть, я избегу хлыста.

– Думаешь, что ты имеешь право огрызаться на меня? – кричит она.

– Я просто говорю правду. Обижаются только на правду.

От ярости она багровеет, хватает меня за волосы и кидает об стену. Я сильно ударяюсь лицом, мне кажется, что у меня сломан нос. В любом случае из него идет кровь. Потом она срывает с меня блузку и футболку. Я отбиваюсь, кричу. Но она намного сильнее меня, мне не хватает сил.

– Я научу тебя слушаться, отребье!

Она пригибает меня к столу, держит, давя всем телом мне на затылок. Берет утюг и прикладывает между лопаток. Меня пронзает боль и распространяется по всему телу.

Ад.

Я горю в аду.

Я кричу так сильно, что срываю голос. И замолкаю.

Я стараюсь выкрутиться, вырваться. Но я так слаба... Я всегда была так слаба.

Кто-то хватает меня, ужасно рычит и запускает мне острые когти глубоко в спину. Клыками рвет мои легкие, разрывает внутренности. Я открываю рот, но мои крики беззвучны.

Чтобы позвать на помощь, надо существовать. Существовать хотя бы для кого-нибудь.

Я резко просыпаюсь, вызванный лихорадкой кошмар отступает.

Межда забрала у меня оба одеяла. Я лежу прямо на плитках пола, лежу на боку, меня трясет и тяжело дышать. Пальцы от невыразимой боли свело судорогой.

Я думаю только о боли. И ни о чем ином. Я вижу Батуль, она сидит неподалеку и, кажется, очень строго на меня смотрит. Как будто судит. Указывает на меня единственной рукой и выносит приговор.

– *Бороться бессмысленно, дуручка, как ты не можешь этого понять?*

Да, ты права, подружка. Я давно должна была понять, что сражаться бессмысленно.

Бунтовать – значит жить. Но это значит и страдать. Особенно страдать.

Этой ночью, когда я переставала стучать зубами, когда переставала стонать и плакать, я клялась.

Клялась, что больше никогда не буду бунтовать.

В этом горячечном бреде я клялась, что всегда буду со всем соглашаться.

Габриэля разбудил холод. Когда он открыл глаза, то стал вспоминать, где он, пока не понял, что уснул в конюшне. Гайя стояла с одной стороны, Майя – с другой. Он посмотрел на лежащую на соломе кувалду, потом на свои окровавленные ладони. Поднялся на ноги, погладил Гайю, тихо поговорил с ней, чтобы успокоить. Она была нервной лошадкой, а Майя, наоборот, более спокойной.

Он поднялся по лестнице и как только открыл дверь, Софокл выбежал наружу, чтобы совершить свой утренний моцион. Морщась от боли, Габриэль вымыл руки, потом сделал кофе и пошел в свою комнату. Ставшую комнатой незнакомки.

Она еще спала. Ничего удивительного, если принять во внимание ту дозу снотворного, что он ей дал. Но ее сон был беспокойным. Вероятно, мозг пытался собрать воедино кусочки ее жизни.

Габриэль принял душ и продезинфицировал израненные руки, а потом перевязал.

Открыл автомобиль и сел на водительское сиденье. Дорога к Флораку кое-где покрылась изморозью, несколько раз внедорожник занесло. Городок был еще погружен в полудрему, он как будто окоченел под снегом. Габриэль купил сигареты и газету и отправился в обратный путь.

Когда он приехал к себе, то пробежал глазами статьи, задержавшись на рубрике «Происшествия». В ней говорилось о страшном убийстве честной продавщицы из Тулузы. Речь, безусловно, шла об ужасном преступлении. Убийца лишил жизни уважаемую мать семейства ради трех сотен евро. Город будоражило, во второй половине дня запланировали траурное шествие.

– Шагайте, – прошептал Габриэль. – Стадо баранов...

Он вырезал статью и положил в папку, где лежали и другие многочисленные статьи.

Включил компьютер, чтобы посмотреть мейлы, хотя он знал, что в ближайшее время не получит никаких писем.

Когда почта открылась, он застыл на стуле.

Ночью ему написала леди Экдикос.

* * *

Она открыла глаза и зажмурилась от яркого света. Солнце заливало комнату, – значит, она еще не в аду.

Она повернула голову и увидела мужчину, сидящего в том же кресле. Она прекрасно помнила, что он пытался задушить ее подушкой. Значит, память начала возвращаться, хотя ей и хотелось бы забыть это страшное мгновение.

Она чуть приподнялась, застонав от боли. Они смотрели друг на друга несколько долгих секунд.

Она была ярко освещена. Он же сидел в полумраке.

– Память вернулась?

Она отрицательно качнула головой. Внутри все так же было пусто, вернее, голову как будто окутывал густой туман. Она помнила, что было накануне, но ее мозг отказывался погружаться в прошлое.

– Помню вчерашний день, – прошептала она.

– Незабываемо, я знаю, – ответил Габриэль с улыбкой. – Ладно, говорить ты можешь нормально, а это уже кое-что! Голодна?

Она не знала, в какую игру он играет. Может быть, он решил ее не убивать? Может, хочет поиграть с ней сначала в кошки-мышки? Растянуть удовольствие...

– Я хочу в туалет, – застенчиво сказала она.

Он указал рукой на поставленное у кровати ведро.

– Оно тут для этого.

Он вышел, она же замешкалась. Как будто любое движение могло стать последним. Спустя несколько мгновений ценной нечеловеческого усилия она села на край матраса. Пододвинула ногой ведро поближе к себе. У нее не было выбора, и ей пришлось облегчиться в более чем неудобном положении. Она взяла со столика платок, чтобы подтереться, затем натянула трусы. Все это с помощью одной руки, с болью в животе, рана на котором продолжала ее терзать.

Она снова легла, ее силы уже были на исходе, и стала ждать, что будет дальше.

Габриэль вернулся несколько минут спустя с кофе и бу-

тербродом с маслом. Он смотрел, как она с аппетитом ест, а затем принес ей тазик с горячей водой, мыло, банную рукавичку и полотенце. Открыл шкаф, вытащил чистую футболку и новые трусы.

– Думаю, тебе хочется помыться, – сказал он, положив вещи рядом с ней. – У тебя четверть часа.

Он расстегнул наручники и положил ключ в карман.

– Советую не делать глупостей, – уточнил он холодно.

Затем закрыл за собой дверь, и она осторожно поднялась с кровати. У нее сразу закружилась голова. Она оперлась о стену и приблизилась к окну, которое выходило на крышу и кованую решетку. Оставалась дверь, но мужчина, вероятно, стоит за ней.

Тогда она помылась, как могла, каждую секунду боясь, что он войдет в комнату. Но он сдержал слово, и, когда появился, она уже оделась и сидела на кровати.

Он вытащил из кармана ключ от наручников, и она искоса на него посмотрела:

– Зачем?

– Ты угрожала мне оружием. Не помнишь?.. А я не забыл. Представляешь, как у меня к тебе сразу доверие выросло! – добавил он с циничной улыбкой.

Он схватил ее за запястье и приковал к перекладине кровати. Затем ушел, а она снова легла на постель. Положила руку на рану и закрыла глаза.

«Ты угрожала мне оружием».

Такое не забывается.

День перевалил за половину, и над горами начали собираться грозовые облака, готовые вот-вот разразиться молниями.

Габриэль забрал из абонентского ящика в небольшом почтовом отделении почту и сел в машину, собираясь уезжать из деревни. Как обычно, он отъехал на несколько километров, чтобы вскрыть конверт.

Он долго смотрел на фотографию будущей жертвы. На обратной стороне – адрес и некоторые сведения, благодаря которым он может выиграть время.

Он еще никогда не убивал двух человек подряд, но леди Экдикос объяснила ему, что мужчина собирается покинуть Францию и поселиться в Южной Америке. Так что его нужно срочно ликвидировать.

Габриэль включил зажигание и отправился во Флорак. Заехал на вокзал, чтобы купить билет, который оплатил наличными.

Он снова должен оставить свою незнакомку одну.

* * *

Бушевал ветер, верхушки деревьев пригибались к земле,

дождь хлестал по фасаду дома.

Габриэль собрал сумку и перекусил, сидя у камина. Потом зашел к своей гостье. Она не спала, лежала, прислонившись к изголовью кровати.

– Завтра утром я очень рано уезжаю, – сказал он. – Меня не будет сутки...

Она не знала, что ответить, но он думал, что от этой новости ей станет легче. Он поставил на столик бутылку воды, положил коробку печенья.

– Если хочешь, чтобы вернулась память, надо спать, – добавил он.

– А... А если я все вспомню, вы меня все равно убьете?

Габриэль ухмыльнулся. Чтобы скрыть неловкость.

– Кто из нас двоих пристегнут к кровати? – спросил он, приблизившись к ней вплотную.

Она громко сглотнула.

– Кто из нас двоих пристегнут? – повторил Габриэль.

– Я, – прошептала она.

– Значит, вопросы здесь задаю я. Ясно?

Она решила не реагировать, погрузившись в молчание.

– Так что советую тебе подготовить правильные ответы, – заключил он. – Спокойной ночи.

Он закрыл дверь, и она начала плакать.

Спокойной ночи. Даже если эта ночь будет последней.

Я прихожу к Маргарите около восьми утра. Мне она кажется уставшей, и я спрашиваю, как она себя чувствует.

– Все в порядке, дитя мое, – уверяет меня она. – Что это у тебя с лицом?

– Ерунда. Ударилась о дверной косяк. Чертова дверь...

Я надеваю блузку, и из-за этого движения след от ожога начинает страшно гореть. Я морщусь, дыхание перехватывает, у меня не получается сдержаться, и я кричу.

– Тебе больно? – волнуется Маргарита. – Ты поранилась?

Я отрицательно качаю головой. Это даже не вранье, потому что *меня* поранили.

– Не волнуйтесь.

Утюг был позавчера. У меня все еще высокая температура. Несмотря ни на что, я начинаю работать. Я так рада провести день здесь, вдали от Межды. Но из-за ожога работать сложно. Каждое движение вызывает острую боль, которая меня постепенно убивает. Я постоянно вытираю со лба пот, слезы катятся из глаз, и я ничего не могу с этим поделать.

В полдень я все еще не закончила убирать. Я сделала в два раза меньше, чем обычно. Когда Маргарита зовет меня обедать, я захожу в кухню.

– Присаживайся, – приглашает она. – Сегодня я тебе ку-

пила рулет с сыром, а на десерт будет сюрприз!

Я сажусь и задеваю спинку стула. И снова кричу.

– Да что с тобой, Тама?

Врать, снова и снова. Потому что, если я скажу ей правду, она может захотеть поговорить с Междой, а если поговорит, то, думаю, можно прощаться с жизнью.

– Спина болит. А когда сажусь, то становится хуже.

– Ах, бедняжка! И кажется, у тебя температура?

– Небольшая. Наверное, простудилась, насморк подцепила или еще что-нибудь такое...

– Межда дала тебе таблетки?

Нет. Только мораль прочитала.

– Подожди, я сейчас приду.

Маргарита берет палку и ковыляет в подсобку. Там она открывает ящик с лекарствами и приносит мне зеленую упаковку.

– Это аспирин, чтобы температуру сбить.

– Спасибо, мадам Маргарита.

– Можешь звать меня просто Маргарита! – сказала она и чуть улыбнулась.

Мне хочется плакать, но я сдерживаюсь. Выпиваю таблетку и вгрызаюсь в рулет, слушая Маргариту, которая рассказывает мне о своей молодости в Алжире. О том, как она встретила мужчину своей жизни, как они поженились. Она мне об этом рассказывала уже раз пять, но мне не надоело, наоборот. Это такая прекрасная история!

– Ты тоже однажды встретишь мужчину. И с первого взгляда поймешь, что это он! – добавляет она, подмигивая.

Я вдруг вспоминаю об Изри, и сердце у меня сжимается.

Маргарита говорит, чтобы я достала из холодильника маленькую коробку. Внутри лежит великолепное слоеное пирожное.

– Это «наполеон»! Ты такое уже ела?

– Нет.

Этот десерт – само объедение. Каждый кусочек смягчает мои боль и страдания.

– Ты дочитала книгу, которую я тебе дала две недели назад?

– Нет... у меня было не очень много времени на чтение в последнее время.

Отводя взгляд, Маргарита говорит:

– Межда объяснила мне, что ты – ее племянница и работаешь, чтобы немного помочь семье... То, что ты так делаешь, хорошо. Ты молодец. Но лучше бы ты ходила в школу, нет?

Я тоже смотрю в сторону и вытираю набегающие слезы.

– Я стараюсь учиться сама, – говорю я шепотом. – Когда есть силы.

– Сколько у тебя братьев и сестер?

– Думаю, двое. Два брата.

– «Думаешь»?

– Когда я уезжала из Марокко, у папы было два сына от

новой жены. Но с тех пор у него, может быть, появились еще дети.

– То есть... у тебя нет новостей о твоей семье?

Ну вот. Она смогла заставить меня плакать. Она встает и идет меня обнять. Никто со смерти мамы меня не обнимал. Мои слезы превращаются в неиссякаемый поток.

– Где твоя мама?

Я с трудом говорю, что она умерла, а потом горло снова перехватывает от слез.

– Бедняжка моя...

Она гладит меня по спине, и я еще сильнее плачу, потому что мне очень больно. Я чуть отстраняюсь, хотя мне бы хотелось остаться в ее объятиях навсегда.

– Я закончу убирать, – произношу я, вытирая слезы. – Не передавайте Межде наш разговор, хорошо?

Маргарита медлит. Наверное, она все поняла.

– Она не отдает тебе деньги, которые ты здесь зарабатываешь, так?

Я больше не могу сдерживаться. Маргарита падает на стул, сжимает кулаки.

– Вы же ничего ей не скажете? – всхлипываю я.

– Если хочешь... Но теперь, когда я это знаю, я не хочу, чтобы ты сюда приходила. Я думала, что это деньги для тебя, для твоей семьи...

Я кладу ладонь ей на руку:

– Пожалуйста, не делайте этого... Не выгоняйте меня! По-

тому что вы – единственный человек, которого мне приятно видеть. Потому что я хотела бы, чтобы понедельники были каждый день...

Теперь плачет Маргарита. А обнимаю ее я.

– Рассказывай, – просит она глухо.

– Меня зовут не Тама, – тихо говорю я. – Меня зовут...

Я все ей рассказала. Почти все. Но умолчала о том, что меня били ремнем, о гвозде в руке или об утюге. Потому что, я уверена, Маргарите было бы тяжело это слышать. Она хотела вызвать полицию. Я так испугалась, что стала умолять ее никуда не звонить, иначе меня арестуют и посадят в тюрьму. Она начала убеждать меня в обратном, но я ей не поверила. Еще я ей объяснила, что Сефана рассказала обо мне всякие ужасы моему отцу, поэтому, если я вернусь домой, меня там не примут.

И Маргарита поклялась, что ничего не скажет полиции или Межде. А мне сказала идти отдыхать, уверяя, что уборка подождет. Она показала мне на кровать, где я проспала четыре часа. Постель была такой удобной...

Маргарита разбудила меня за несколько минут до прихода Межды. Протянула купюру в десять евро и уточнила, что это мне. Я отказалась, я ведь и уборку не закончила, но она пригрозила, что рассердится, если я не возьму деньги. Тогда я положила деньги в карман. Она станет давать мне деньги каждую неделю, пока однажды я не смогу вернуться домой.

– Я хотела бы дать больше, но у меня совсем крохотная пенсия.

Я была так тронута, что опять расплакалась.

Потом приехала Межда и повезла меня убирать на фирму. Как мы и договаривались, Маргарита ничего ей не сказала, но странно посмотрела. Надеюсь, что эта толстая корова ни о чем не догадалась.

* * *

Несколько дней назад Тама слышала, как Межда разговаривает с пенсионером, который живет в квартире этажом ниже. Они беседовали на лестничной площадке, но дверь была приоткрыта, поэтому Таме удалось услышать, о чем они беседовали. Межда врала, что принимает у себя племянницу, которая приехала во Францию, чтобы полечиться от серьезного психического расстройства.

– Девочка страдает от ужасных приступов сумасшествия! Она начинает орать, и мне ее никак не успокоить! Простите за беспокойство...

Мужчина больше ни о чем не расспрашивал, просто пожелал ей терпения.

Что же касается соседей напротив, которые тенью скользили по коридору, Тама поняла, что речь идет о китайцах-нелегалах, безропотных и незаметных. О таких же рабах, как и она, которые живут ввосьмером в трехкомнатной

квартире. Но они такие тихие, что их практически никогда не слышно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.